

ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ

АЛЕКСАНДР
ЯКОВЛЕВ

АЛЕКСАНДР II

Лучшие биографии

Александр Яковлев

Александр II

«ВЕЧЕ»

2018

Яковлев А. И.

Александр II / А. И. Яковлев — «ВЕЧЕ», 2018 — (Лучшие биографии)

ISBN 978-5-4484-8230-4

Книга известного российского историка А.И. Яковлева повествует о жизни и деятельности императора Александра II (1818–1881) со дня его рождения до дня трагической гибели. В царствование Александра II происходят перемены во внешней политике России, присоединение новых территорий на Востоке, освободительная война на Балканах, интенсивное строительство железных дорог, военная реформа, развитие промышленности и финансов. Начатая Александром II «революция сверху» значительно ускорила развитие страны, но встретила ожесточенное сопротивление со стороны как боязливых консерваторов, так и неистовых революционных радикалов. Автор рассказывает о воспитании и образовании, которые получил юный Александр, о подготовке и проведении Великих реформ, начавшихся в 1861 г. с освобождения крепостных крестьян. В книге показана непростая личная жизнь императора, оказавшегося заложником начатых им преобразований. Книга издана к 200-летию со дня рождения Царя-Освободителя.

ISBN 978-5-4484-8230-4

© Яковлев А. И., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Книга первая. Великий князь	6
Часть I. Декабрь 1825 года	6
Глава 1. Рождение	6
Глава 2. Семья	11
Глава 3. Мятеж	15
Часть II. Отец и сын	26
Глава 1. Коронация	26
Глава 2. Воспитание и воспитатели	30
Глава 3. Зимний дворец	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Иванович Яковлев

Александр II

© Яковлев А.И., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Книга первая. Великий князь

Часть I. Декабрь 1825 года

Глава 1. Рождение

Родился будущий император на Пасхальной неделе, в среду 17 апреля 1818 года, в архиерейском доме при московском Чудовом монастыре в Кремле. Велика была радость матери, но отец радовался вдвойне: родился наследник! Позднее Александра Федоровна вспоминала: «Никс поцеловал меня, заливаясь слезами, и вместе мы возблагодарили Бога...»

201 пушечный выстрел возвестил Первопрестольной о рождении великого князя. По получении этого известия император Александр I, его дядя, назначил новорожденного шефом лейб-гвардии Гусарского полка.

Вскоре состоялись и крестины. Проходили они также в Чудовом монастыре 5 мая. Восприемниками были император Александр Павлович, вдовствующая императрица Мария Федоровна – бабушка со стороны отца, и дед со стороны матери – король Пруссии Фридрих Вильгельм III...

Мы пристально вглядываемся в детали далеких событий, пытаясь задним числом разгадать загадку их рокового сцепления, счастливого или чаще трагического исхода. И есть, есть детали раннего детства Александра Николаевича, на которых невольно останавливается внимание.

Императрица Мария Федоровна, следуя примеру матери Петра Великого, после таинства крещения положила младенца на серебряную раку, где покоились нетленные мощи святого Алексия, митрополита Московского. Самый монастырь был основан св. Алексием в 1365 г., а кроме того, им были созданы Спасо-Andрониев монастырь на Яузе в Москве, монастыри в Серпухове, Нижнем Новгороде и Владимире. Святой Алексий славился добродетелями, он удержал князей тверских от междоусобия.

Первый сын великого князя Николая Павловича был наречен Александром прежде всего в честь старшего брата – императора, но также и благоверного великого князя Александра Невского. Александр, как говорят летописи, много потрудился для русской земли, отражая немцев, литовцев, датчан и шведов. Церковь Российская причислила великого князя к лику святых за его христианские добродетели и чудеса. Больные, прикасаясь к раке с нетленными мощами его, получали исцеление; свечи у гроба его сами загорались от небесного огня. Вот какова была духовная опора будущего императора.

В том же 1818 г. вышли в свет первые восемь томов «Истории Государства Российского» Николая Михайловича Карамзина, государственного историографа. В томе IV Карамзин, говоря о Невском, указывал: нарекли его Святым, что «гораздо выразительнее Великого: ибо великими называют обыкновенно счастливых: Александр же мог добродетелями своими только облегчать жестокую судьбу России...» – знаменательное рассуждение, все значение которого можно было осознать впоследствии.

Рождение будущего императора пришлось на апрель. Весенний радостный этот месяц в русской природе легок и весел, капризен и переменчив; он соединяет зиму и лето, он знаменует конец зимы и начало лета. Обыкновенны в апреле резкие перемены – от яркого солнца и ясного неба до пасмурных туч и внезапного колючего снегопада. Конечно, можно счесть эту символику надуманной и случайной, но есть ли что случайное в этом мире? Именно на апрель приходились все наиболее важные события будущего царствования Александра.

Но все это только предстояло. Пока же в тихие майские дни в тихой зеленой Москве радовались родители, глядя на колыбель с малюткой. В церквах служились молебны о здравии новорожденного; российские пииты взялись за перо.

Василий Андреевич Жуковский написал, обращаясь к молодой матери, стихотворение на рождение Александра:

Прекрасная, Россия, упование
Тебе в твоём младенце отдаёт.
Тебе его младенческие лета!
От их пелен, ко входу бури света,
Пусть тебе вослед он перейдёт,
С душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойным счастья быть,
Великое с величием сносить,
Не трепетать, встречая рок суровый,
И быть в делах своих красой...
Да встретит он обильный честию век,
До славного участник славный будет,
Да на чреде высокой не забудет
Славнейшего из званий: человек!
Жить для веков в величии народном,
Для блага всех – своё позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать:
Вот правила Царей великих внуку!

Вещим оказалось пророчество поэта, но и его фантазии не хватило, чтобы предвидеть судьбу будущего императора. Воображение часто отказывается современникам. Кто мог представить исход Кондратия Рыльева, читая его стихи на рождение великого князя Александра Николаевича:

Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства дух неблагородный,
Неправосудье истреби!
Будь блага подданных ревнитель;
Оно есть первый долг царей;
Будь просвещений покровитель:
Оно надёжный друг властей.
Старайся дух постигнуть века,
Узнать потребность русских стран;
Будь человек для человека,
Будь гражданин для сограждан...

По утрам Александра Федоровна ходила к заутрене в небольшую, но милую церковь Благовещения и Святого Алексия, ныне самую для нее дорогую. Церковь была за углом Чудова монастыря. На другой стороне Ивановской площади радовал глаз собор Николы Гостунского; она знала, что святой Никола особо почитается на Руси, а это благо для ее Ники.

Но мужу, великому князю Николаю Павловичу, не нравился Кремль, не нравился собор, не нравилась сама Москва. Он сам не мог понять причину своего нерасположения, относя ее к бесконечным московским обедам и сонному существованию Первопрестольной. Не хватало ему подтянутой бодрости смотров, разводов, парадов. Правда, в этот год все искупалось главным – рождением сына.

Старый императорский дворец в Кремле, построенный некогда Растрелли, пришел в полную негодность. В иных местах полы провалились, стены были обшарпаны, обивка на мебели потерта, что особенно резало глаз после привычного парадного уюта Аничкова дворца. Николай предлагал государю перестроить дворец, тот отговорился нехваткой средств, необходимостью восстановить часть кремлевских стен и Никольскую башню, поврежденную французами при отступлении. Потому и поместили великую княгиню в тесноватом, никак не княжеском Чудовом монастыре. Ей-то это нравилось, чем-то напоминало родительский кров.

Николай искренне любил жену свою, в девичестве Фредерику-Луизу-Шарлотту-Вильгельмину, старшую дочь прусского короля. Высокая, миловидная, с очаровательно-капризной улыбкой, она точно знала, что все ее любят, и пользовалась этим с откровенностью. Ники баловал ее, и она с готовностью продолжала играть роль очаровательного избалованного ребенка.

Она полюбила роскошь, однажды вкусив ее при приезде в Петербург. Злые языки называли молодую великую княгиню легкомысленной и осуждали ее мужа за потакание прихотям и причудам прусской проказницы. Но Николай, при всей суровости своего характера, отлично понимал ее нежную, детскую душу, ее мечтательный склад характера. Со снисходительной улыбкой он смотрел, как она и Жуковский, поэт и литератор, часами самозабвенно читают Шиллера. Возможно, именно за вовсе чуждое его натуре изящество и хрупкость он и любил свою жену.

Он приказал после рождения Сашки принести к ней в покои загодя купленные цветы, шелка, кружева, сам принес коробки с бриллиантовым гарнитуром – пусть потешится.

Тут следует немного отступить и сказать, что молодая великокняжеская чета и вдовствующая императрица пребывали в Москве с сентября 1817 г. Времяпрепровождение их было не столь блестяще, как в столице (по причинам понятным), но тем не менее чрезвычайно приятно. Осенью главным их чтением была «Записка» Николая Михайловича Карамзина о московских достопамятностях. Предполагалось, что он сам будет показывать памятники древней столицы, но печатание первых восьми томов его «Истории...» обязывало его находиться в Петербурге. «Записка» во многом искупала его отсутствие. В чтении ее и обсуждении принимал участие Василий Андреевич Жуковский, приглашенный учителем русского языка к Александре Федоровне, когда та еще была невестой великого князя, и ставший как бы «своим». По осенней непогоде и состоянию великой княгини поездки по городу были затруднены. Но спустя месяц с небольшим после рождения сына, когда она заметно окрепла, решили, что пора посмотреть Первопрестольную. Сашу оставили под присмотром бабушки, чья нежность к первому внуку все возрастала.

В легкое и теплое июньское утро к крыльцу архиерейского дома был подан кабриолет, легкая двухколесная повозка. Мария Федоровна только головой покачала:

- Не растрясет ли жену?
- Не беспокойтесь, матушка.

Веселые и молодые они выбежали на крыльцо. Ей было двадцать, ему двадцать два года. Николай помог жене взойти, сел сам, взял в одну руку вожжи, в другую хлыст, и покатили они через Ивановскую площадь к Спасским воротам. Мария Федоровна позавидовала их молодости, попечалилась своим годам, хотя была бодра и еще до смерти Павла Петровича гарцевала с ним по дорогам Павловского и Гатчины.

Колеса кабриолета после булыжного покрытия Ивановской площади мягко покатали по немощеному съезду к воротам. Муж показывал церкви по левой стороне, но Александра Федоровна с трудом запоминала трудные русские названия – церковь Вознесения Господня. Справа тянулось подворье Кириллова монастыря.

– Учи, учи, матушка, пригодится, – шутливо сказал Николай по-русски, потому что обыкновенно говорили они по-французски. Он сел прямее и чуть подобрал вожжи. Горячий конь широким махом вынес их на простор Красной площади.

День обычный, но здесь всегда было многолюдно. Катили кареты с лакеями на запятках, в кабриолетах проехали мимо две пары, узнавшие их. Мужчины сняли белые цилиндры, женщины низко опустили головы, успев тем не менее в деталях рассмотреть наряд великой княгини со всеми рюшечками голубого чепца, снежную белизну кружев воротника, пылающую под солнцем рубиновую брошь в обрамлении бриллиантов, даже батистовый платочек в руке Александры Федоровны смогли увидеть дамы к немалому своему удовольствию, которое должно было многократно возрасти вечером при описании этой встречи.

Прогуливались пары благородных дворян, чиновники спешили с портфелями под мышкой, шли несколько крестьян в тяжелых армяках, с палками в руках и котомками за плечами, точно как на рисунках из английского альбома, недавно присланного из Парижа. Александра Федоровна смотрела по сторонам на все еще не знакомую ей жизнь, известную больше по рассказам и рисункам.

Покрикивали продавцы кваса и морса; товар свой они несли на голове на широком подносе, ловко уворачиваясь от прохожих и даже от пронесшегося вскачь офицера на сером коне. Священник с круглым добрым лицом, окладистой бородой заметил ее радостно-восторженное лицо, улыбнулся и перекрестил обоих.

Подъехали к недавно поставленному памятнику перед Верхними торговыми рядами. На торжество открытия она не пошла из-за дождя. «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная РОССИЯ. Лето 1818», – прочитала вслух Александра Федоровна. Романтический стиль, сила и динамизм двух фигур понравились ей, и она решила непременно спросить Жуковского, что такое совершили эти Минин и Пожарский.

А Николай, миновав Красную площадь, пустил коня вскачь, и они покатали по Ильинке – это трудное название она смогла запомнить.

– Москва – город купеческий, торговый, – пояснял муж. – Вот мы проехали Верхние торговые ряды, а направо – Гостиный Двор.

Один к одному, вплотную стояли магазины, лавки, склады, амбары, конторы. Оптом и в розницу торговали здесь сырьем и всякими изделиями – товарами русскими и привозными, европейскими и восточными.

Резво бежал конь. Кружилась голова у великой княгини от нынешнего счастья или предчувствия будущего. Вполуха слушала она странные слуху названия:

– Лубянская площадь... а вот Мясницкие ворота, ворот, правда, нет, но погоди... вот тебе ворота Красные, только в прошлом году отстроили после пожара.

Вот эти легкие, праздничные – розово-белая арка с трубящим победу ангелом наверху и государственным гербом в сиянии – понравились ей больше тяжелых кремлевских башен.

– Ники, я немного устала. Можно вернуться?

– Конечно, счастье мое! Сухареву башню тебе не показал. Вон она виднеется, видишь? Ну да после...

Он легко повернул коня и той же Мясницкой вернулся. Два адъютанта, скакавшие следом, также поворотили коней.

По правую руку от Мясницкой до Сретенки среди отстроенных домов и нежно-зеленых садов виднелись большие обгорелые дома без крыш, с черными провалами окон и дверей,

пустыри, огороженные заборами, за которыми возвышались остатки печей и труб на них. То были следы страшного московского пожара 1812 года.

На просторной Театральной площади она засмотрелась на чудесный фонтан, но Ники махнул рукою вправо, на большой квадрат, обставленный фонарными столбами:

– Здесь устраивают строевые смотры гарнизона по праздникам!

Здание Благородного дворянского собрания на углу Большой Дмитровки не впечатлило ее, но муж уверил, что белоколонный зал внутри великолепен.

– Мы там с тобою еще попляшем!..

Жизнь царская – жизнь особая. Рядом, за стенами Кремля и в нем самом, тогда населенном не только монахами и церковным причтом, но и просто московскими жителями, шла обычная жизнь.

Москва восстанавливалась после пожаров и погромов войны, жизнь ее обитателей приобрела обычный распорядок. На лето столица пустела, и мостовые даже на Тверской зарастали травой и одуванчиками, легкий пух которых мешал спать московским будочникам, попадая в нос. Будочник чихал, просыпался, оглядывал местность – ничего.

В одном из московских кварталов, в одноэтажном доме, тщательно оштукатуренном и побеленном, так что и не увидеть, что деревянный, в том же 1818 году, спустя полтора месяца после пушечной пальбы в Кремле, случилось прибавление семейства. Родился второй сын, названный в честь одного из братьев матери Николаем.

Окна детской выходили на тихий двор, поросший травой, лишь возле крыльца, по настоянию Елизаветы Дмитриевны Милютиной, были посажены кусты шиповника, растения полезного и приятного глазу. За кладовой и сараями были ледник, конюшня и полуразрушенный амбар, который пять лет назад был разобран окрестными погорельцами почти до основания, да так и остался стоять. У хозяина руки не доходили, а жена мало вникала в хозяйственные дела. Шиповник был, пожалуй, ее единственным вкладом в существование заднего двора.

Николенька родился в начале июня, и потому поездку в имение пришлось отложить. Скучали в Москве, быстро пустевшей. Кто совершенно спокойно отнесся к пребыванию в городе, так это старший сынок, двухгодовалый Митя. Имя свое он получил в честь деда по матери. Был очень спокоен, тихо, внимательно и подолгу рассматривал все вокруг. Мать особенно любила его, но с рождением второго сына должна была передать нянюшке. Елизавета Дмитриевна все свое внимание отдавала детям. Она входила во все мельчайшие подробности их жизни: кто как спал, как ел, и отчего у Мити скучный вид, и почему малютка Коко морщится...

Из-за духоты они стали пить чай на балконе. После службы глава семейства Алексей Михайлович ложился в кабинете соснуть часок, а после выходил во двор, нетерпеливо выслушивал доклад почтенного Степана Григорьевича, правителя дома, и поднимался на балкон. И теплыми июньскими вечерами супруги обсуждали устройство будущей своей жизни. Мечты их рознились.

Алексей Михайлович видел главным своим делом уплату отцовских долгов и устройство имения, чтобы было что оставить детям. Честолюбивых намерений он не имел. Дворянин всего в третьем поколении, он сознавал, что трудненько делать карьеру. Денег хватало на то, чтобы едва-едва обеспечить семью, и это по скромному московскому образу жизни, в Петербурге потребовалось бы много больше. Военная карьера была для него закрыта отчасти по неохоте, несклонности к военной службе и, главным образом, из-за поврежденной в юности ноги.

Елизавета Дмитриевна вынужденно смирила свое честолюбие. Вся ее семья принадлежала к чиновно-придворному миру, родной брат Павел Дмитриевич был в большом фаворе у государя, в двадцать шесть лет стал флигель-адъютантом, и поначалу ей мечталось о том же и для мужа. Его прадед, правда, был истопником, но при царях – Петре и Иване Алексеевичах. Бывали и более скромные возможности для начала карьеры.

Алексей Михайлович привлек ее внимание своей полной непохожестью на петербургских щеголей. С мягкой готовностью он ей покорился, и это понравилось. Как привязанность переросла в приятную привычку видеть его, говорить, наставлять, журить, а там и в более глубокое чувство, она и не заметила. Родные слегка удивились, но будущий свекор был фабрикантом, богачом, сочли, что в общем партия не блестящая, но подходящая.

Только после смерти свекра, когда Алексей Михайлович лихорадочно расплачивался с долгами, бегал по богатым родственникам, не слишком готовым открывать свои кошельки для неудачливого родича, когда она вдруг оказалась без своего выезда и не решалась ходить в Гостиный Двор в модные лавки, она осознала, какая жизнь им предстоит. Обладая ясным и трезвым умом и сильным характером, она нисколько не огорчилась. Она любила мужа.

Переехали в Москву. Алексею Михайловичу по протекции шурина дали не слишком хлопотное, но и не слишком денежное место секретаря комиссии по построению храма Христа Спасителя. По своей добросовестности он с головой вошел во все дела комиссии, часто рассказывал Елизавете Дмитриевне о величественном проекте Витберга, а однажды пригласил великого архитектора на обед... Среди вечерних мечтаний супругов было и такое: пройдет несколько лет, и они с детьми, а оба были уверены, что детей у них будет много, приедут на высокий берег Москвы-реки, и Алексей Михайлович покажет детям храм-памятник, к созданию коего прямо причастен. Но он был неудачник, и эта мечта его также не сбылась.

А впрочем, был ли он неудачником? Он честно работал и мечтал, чтобы в новом большом доме росли дети, мальчики и девочки, учились, женились и выходили замуж, а ему привозили внуков.

Елизавете Дмитриевне виделась необыкновенная карьера сыновей. Они должны были стать генералами, послами, министрами, первыми слугами будущего царя, их ровесника Александра Николаевича, а она издали следила бы за их карьерой. Алексей Михайлович не перечил ей. Он сознавал, сколь мало оправдал ее надежды, и потому желал ей утешения в мечтаниях, хотя бы и несбыточных.

Он и подумать не мог, что все так именно и случится, что его сыновья Дмитрий и Николай Милютины станут первыми помощниками будущего российского императора и навсегда делами своими впишут свои имена, а значит и его имя, в историю. Но пока все это только предстояло. Дети росли, и делами занимались их родители.

Глава 2. Семья

Александр был первенцем молодой великокняжеской четы. После него в 1819 году появилась на свет Мария, в 1822-м – Ольга, 1825-м – Александра, 1827-м – Константин, 1831-м – Николай, 1832-м – Михаил. Детей было много, и много было хлопот, несмотря на присутствие всевозможных нянюшек, кормилиц и фрейлин.

Повествование наше неровно, оно то забегает далеко вперед, то останавливается на предметах, казалось бы, не стоящих внимания с государственной точки зрения. Но частная жизнь и обычных людей тесно связана с жизнью их страны, а уж в жизни царской семьи почти все переплетено с государственными делами – и радости, и горести.

Государь Александр Павлович был несчастлив в детках. Две дочери его умерли, даже незаконная дочь умерла юной. И хотя годы его были далеки от преклонных и смерти он не боялся, соображения законного престолонаследия побудили его задуматься о преемнике.

После удалой чехарды наследников великого царя Петра в прошлом веке покойный государь Павел Петрович ввел новый порядок престолонаследия. По нему царствующий государь обязан был назначить себе наследника из числа своих прямых потомков по мужской линии. Следующим за Александром Павловичем был великий князь Константин.

Они росли вместе у бабушки Екатерины II, она их холила и нежила, баловала со всей щедростью и родственной, и царственной. Предпочтение все же отдавала старшему.

Они с Константином были ровесники, разница всего в два года. Другие же братья и сестры были заметно моложе и потому далеки от них: Николай родился в 1796-м, Михаил – 1798-м, Екатерина – 1788 году. Когда сестра выросла немного, Александр стал жалеть ее, некрасивую насмешницу, с решительным характером и честолюбивыми намерениями. Может быть, он любил ее больше, чем кого-либо другого из их недружной семьи. Костя был добр, да слишком горяч и груб, меньшие далеки, отца он боялся при жизни, а потом боялся памяти о нем, матери не мог простить честолюбивых поползновений на власть, долженствующую принадлежать только ему.

После ночи 11 марта 1801 года, когда совершилось убийство Павла Петровича, на утро многие слышали, как Мария Федоровна, нежданно-негаданно превратившись во вдовствующую императрицу, кричала охрипшим от волнения голосом: «Я хочу править!»

В темных коридорах Михайловского замка, в колеблющихся огнях свечей ей померещилось новое счастливое правление – вослед за Екатериной Великой – ее правление. Но мелькнули тени по стенам и пропали. Сплоховала матушка, поздно спохватилась.

Мария Федоровна была одна, без союзников и сторонников. Плохое знание русского языка не было такой преградой для занятия русского престола, как отсутствие верного полка гвардии. Еще недавно почтительные и льстивые придворные грубо оборвали ее. Какие-то офицеры-гвардейцы отвели в комнату и стерегли до приказа императора, нового императора. Она сначала искренне не поняла, а потом показно удивилась: «Кто – император?»

Все это помнил Александр Павлович. Он был, конечно же, почтителен к матери, очень почтителен, но не мог ей простить той ночи. Впрочем, сама она, казалось, вовсе о том забыла. Высокая, статная и румяная, несмотря на пошедший седьмой десяток, она сохранила энергию и живость характера, теперь направленные на внуков.

В шестнадцать лет бабка женила Александра на баденской принцессе, которая была полутора годами младше его. Юношеская нежная страсть к Елизавете Алексеевне быстро ушла, осталась государственная обязанность. Долгая страсть к черноокой Марье Антоновне Нарышкиной, урожденной польской княжне Святополк-Четвертинской, со временем обрела привычность как бы второго брака и также стала тяготить его.

В том 1818 году, с которого начинается наше повествование, он сказал в Москве графине Софье Ивановне Соллогуб: «Возносясь духом к Богу, я отрешился от всех земных наслаждений. Призывая к себе на помощь религию, я приобрел то спокойствие, тот мир душевный, который не променяю ни на какие блаженства здешнего мира».

Со смертью последней дочери закончились все видимые счеты его с этим миром, в который он вступил прекраснодушным юношей и который покорило, став могучим и мудрым, как говорили, царем. Он полюбил ездить по монастырям, беседовал со старцами и подвижниками и просил их благословения. У ближних это вызывало глухое недоумение, а его душа искала иной правды, иных ответов на вопросы, задаваемые жизнью, чем те, что были привычны.

Давняя мечта, казалось, давно отброшенная, вновь шла на ум: оставить все и уйти. Он гнал от себя эту мысль, но она была привязчива.

Однако не это, а соображения государственные заставляли думать о наследнике. Формально цесаревичем считался второй брат – Константин Павлович, но только считался.

В июле 1819 года, после учений в Красном Селе, на которых брат Николай командовал бригадой первой гвардейской дивизии, они сели обедать втроем в палатке императора: он, Николай и миловидная и большеглазая Александра Федоровна. На этом обеде он впервые назвал Николая своим заместителем. Николай и его жена застыли.

– Кажется, вы удивлены, – растягивая слова, продолжил он, – так знайте же, что мой брат Константин, который никогда не заботился о престоле, решил ныне более чем когда-либо

формально отказаться от него, передав свои права брату своему Николаю и его потомству. Что же касается меня, то я решил отказаться от лежащих на мне обязанностей и удалиться от мира.

Все молчали. Николай не отрывал глаз от лица брата, как бы желая понять, действительно ли правда то, что он услышал, и если правда, то что это значит. Александра Федоровна круглыми глазами смотрела то на одного, то на другого, и серебряная ложечка дрожала в ее руке. Слышно было, как оса мерно кружила над забытым вишневым суфле.

– Это случится не тотчас, – более резко добавил Александр Павлович, которому что-то такое померещилось в глазах брата. Он не любил его.

Когда тот родился, Александру было 19 лет. Он уже был женат, много размышлял о власти, думал о престоле, знал и понял многое. И скорее удивление, а вовсе не ревность, у него вызвало внимание бабки к этому мальчишке.

«В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря!» – восхищалась императрица Екатерина внуком, так он был велик ростом и крепок при рождении. Но недолго ей довелось радоваться малышу. Смерть бабки лишила великих князей Николая и Михаила возможности получить такое же блестящее образование и воспитание, как старшие братья. Младшие выросли на задворках.

Ники рос сам по себе, был диковат и трусоват. Боялся до слез грозы и фейерверков, за что над ним подшучивали старшие братья. Но почему-то его особенно полюбил отец.

Павел Петрович всегда любил своих детей. Старших у него отняла Екатерина, и все отцовские чувства достались младшим, особенно Коле и Мише, которых он называл «мои барашки», часто возился с ними, был нежен и безгранично добр. А Мария Федоровна холодно исполняла обязанности любящей матери.

Слух о намерении Павла назначить Николая, любимца, своим наследником в обход старших братьев, возник как-то вдруг. Обсуждали поразительную новость втихомолку между своими и находили, что такое может быть, очень может быть.

Вечером 11 марта 1801 года Павел Петрович зашел в детскую. Потянул за маленький носик Мишку, погладил Катю по гладкой головке – уже барышня, тринадцать лет, и взял на колени тяжеленького бутуза Кольку. С серьезным выражением на личике тот спросил: «Почему тебя зовут Павлом Первым?» – «Не было до меня императора с таким именем». – «Тогда меня будут звать Николаем Первым!» – обрадовался Колька.

Император задумался над этими словами. Крепко поцеловал сына и ушел. Он шел темными коридорами Михайловского замка, никак не угадывая исхода той ночи.

После 11 марта все переменялось, но Александр Павлович помнил все, и любые смехотворные слухи, они были, а значит, было поползновение на власть. И этого Александр не прощал брату, как иное – матери и сестре. Он решил было не подпускать брата к государственным делам, предназначив ему будущее бравого гвардейского командира, – тот на большее и не тянул, как и Мишка. Оба командовали бригадами в 1-й гвардейской дивизии Паскевича.

В 1823 году состоялось бракосочетание великого князя Михаила Павловича с принцессой вюртембергской Фредерикой-Шарлоттой-Марией. Пятнадцатилетней девочкой привезли ее в Россию в 1821 году в качестве невесты великого князя. С готовностью покинув родной дом, где угнетали ее неуживчивый и беспокойный отец и своенравная бабка, юная принцесса, получившая имя Елены Павловны, всем сердцем приняла новую свою родину, для которой ей предстояло совершить немало добрых дел.

Пока же все ее чувства и помыслы были направлены на мужа. Михаил Павлович, восьмью годами старше своей жены, с готовностью принимал ее любовь. Сердце его было доброе, но самый характер труден. В нем преобладала страсть к жесткой дисциплине, понимаемой строго формально. Из-за сходства характеров наиболее близок он был с братом Константином Павловичем. Справедливости ради стоит сказать, что все сыновья покойного Павла Петровича отличались ярой любовью к строю и муштре.

Однако же среди первых друзей своих великий князь Михаил называл и Павла Киселева, которого одни считали блестящим и ветреным флигель-адъютантом, а другие предрекали ему поприще государственного деятеля. Они подружились в Париже в памятном 1814 году, когда император позволил великим князьям Николаю и Михаилу прибыть в действующую армию. Вечерами собирались веселой компанией с Алексеем и Михаилом Орловыми, Киселевым и другими молодыми офицерами, обсуждали дела и любовные похождения, пополняли свои знания французских вин, пели гусарские песни. Все были молоды, воодушевлены победной кампанией... В Петербурге воспоминания эти были дороги своей невозвратимостью. Елена Павловна прелести сей не понимала.

Пытливость ума и пылкость сердца отдаляли ее все дальше и дальше от мужа. Все внимание свое она отдала детям, но из пяти дочерей четыре умерли. Она долго горевала.

У Александра наивная неприязнь и вражда к Николаю прошли давно, но осталось недоверие. Впрочем, Александр Павлович вообще никому долго не верил. Теперь же, решая вопрос о передаче власти, и решив его! – он ничего не мог забыть, и ему было жаль власти... Даже сейчас, когда она полностью оставалась в его руках, он не мог представить, как этот Колька, *le pauvre diable*¹, длинный и румяный, неутомимый во фрунте и верховой езде, грубый и хитрый, станет на его место.

Но слова были сказаны.

Условием женитьбы Константина Павловича в мае 1820 года на польской графине Иоанне Грудзинской, названной в тайном манифесте княгиней Лович, император поставил формальный отказ от прав на престол. 14 января 1822 года Константин составил письмо, в котором «просил» Александра I передать свое право на наследование престола тому, кому оно «принадлежит после него». Александр ответил согласием в письме от 1 февраля.

Но лишь в 1823 году, когда его здоровье сильно пошатнулось, решение это было оформлено окончательно на бумаге. 16 августа 1823 года по поручению Александра I московским архиепископом Филаретом был составлен манифест о передаче прав на престол Николаю. Манифест с письмами Константина и Александра в запечатанном пакете был передан Филарету. По совету архиепископа Александр Павлович приказал снять копии со всех трех документов. Копии, заверенные самим государем, были запечатаны в другие три пакета и сданы на хранение в Синод, Сенат и Государственный Совет. Пакеты надлежало вскрыть в случае смерти Александра I «прежде всякого другого действия».

В полдень 23 августа архиепископ Московский отправился в Успенский собор. Там ждали его протопресвитер, сакелларий и прокурор синодальной канторы с печатью. Архиепископ вошел в собор, и тяжелые двери закрылись за ним. В приятной после солнцепека прохладе и сумрачности огромного храма, свет в который шел из узких окон наверху да от тускло светивших лампад перед несколькими иконами, Филарет несколько раз осенил себя крестным знаменем и вошел в алтарь.

Присутствующим был показан ковчег государственных актов, куда Филарет и положил привезенный пакет, показав печать императора. Ковчег вновь заперли на ключ, и прокурор синодальной канторы запечатал его. Присутствующим была объявлена высочайшая воля: «Да никому не будет открыто о свершившемся!»

Николай Павлович не знал о местонахождении этих бумаг, как, впрочем, и все другие члены императорской семьи.

В день, решивший столь многое в судьбе династии, в Павловске маленький великий князь Александр Николаевич катался на лошадке. То была его любимая лошадка, серая в яблоках,

¹ Добрый малый (фр.).

с добрыми печальными глазами, катание на ней было главным удовольствием мальчика, ради которого он оставлял сошки, сабли и ружья, даже игры с Павлушей Мердером.

Великий князь в гусарской курточке плотно сидел в удобном седле и крепко сжимал руками поводья. Особенной нужды в этом не было, потому что лошадка очень тихо и мирно переставляла ноги, а под уздцы ее держал конюх. Обок шла заботливая дюжая нянька Алена. Шествие замыкалось толпой любопытствующих, которая отставала лишь в виду дворца. На кругу внука поджидала бабушка, вдовствующая императрица Мария Федоровна, высокая, дородная, в шляпе с перьями, укрывавшей от солнца ее круглое и, несмотря на годы, румяное и красивое лицо. Величественно и плавно она подошла к внуку.

– Хватит, Сашенька, пойдем, посидим, – сказала бабушка.

– Хочу кататься! – азартно выговорил внук. – Алена, дай ей сахару!

Нянюшка вопросительно глянула на императрицу, та со вздохом махнула рукой. Лошадке дали сахару и повернули ее.

И вновь по боковой аллее, рядом с широкой дорогой ко дворцу, зацокала копытами прелестная лошадка, и маленький светловолосый мальчик самозабвенно натягивал поводья и смотрел вдаль голубыми, чуть навывкате глазами – что виделось ему?...

Жизнь продолжалась, как и ранее.

Александр Павлович путешествовал по России, навещался за границу, как будто тяготясь сидеть подолгу на одном месте.

Константин Павлович радовался жизни в Варшаве.

Николай Павлович занимался военным делом. Строптивый и вспыльчивый характер его вскоре узнала вся гвардия. Но нельзя было не отдать должное блестящей строевой выучке великого князя. Один из молодых тогда офицеров Михайловский-Данилевский вспоминал позднее: «Необходимые знания великого князя по фрунтовой части нас изумили; иногда, стоя на поле, он брал в руки ружье и делал ружейные приемы так хорошо, что вряд ли лучший ефрейтор мог с ним сравниться, и показывал также барабанщикам, как им надлежало бить». Свидетельство бесхитростное и вполне искреннее.

Николай каждодневно по заведенному еще батюшкой обычаю отправлялся на развод гвардейских частей и внимательно следил за долженствующим быть порядком. Он посмеивался в душе над похвалами офицеров и презирал высокомерные усмешки царедворцев. Он дорожил похвалами боевых генералов Милорадовича и Паскевича и доверял брату Михаилу, а также (до известной степени) графу Владимиру Адлербергу, другу детства, взятому в 1817 году в адъютанты. Он с удовольствием бывал на приемах и балах в Зимнем дворце, но больше радовался своим балам и вечерам в Аничковом. Он ждал.

Глава 3. Мятеж

О смерти императора Николай узнал одним из первых в Петербурге. После сообщений из Таганрога о болезни, то улучшении, то ухудшении состояния Александра Павловича, ждали худшего. Николай приказал, чтобы в любое время, где бы он ни находился – сообщить тотчас.

27 ноября царская семья была в Большой дворцовой церкви. Служба уже заканчивалась, начался молебен о здравии императора, и тут Николай увидел за стеклянной дверью своего камердинера и сразу догадался, что свершилось то, чего он страшился.

У входа великого князя встретил Милорадович и объявил печальную новость. Помедлив, Николай вернулся в церковь и подошел к матери. Опустился на колени – и она, взглянув на лицо сына, поняла, что за новость привез курьер. У Марии Федоровны ослабли ноги, и она никак не могла подняться с колен.

Службу прекратили. Коридоры Зимнего дворца наполнились звуками рыданий, загудели от гаданий и пересудов.

На спешно созванном заседании Государственного Совета Николай, холодея от волнения, предъявил свои права на престол. Был вскрыт пакет с документами, а вскоре те же бумаги были привезены из Синода и Сената. Но, казалось бы, очевидное дело застопорилось.

Петербургский генерал-губернатор граф М.А. Милорадович в оглушительной тишине заявил, что если бы Александр I действительно думал оставить Николая своим наследником, то при своей жизни опубликовал бы такого рода манифест. Тайные же документы не имеют юридической силы, ибо нарушают изданный Павлом I в апреле 1797 года закон о престолонаследии. Гвардия воспримет попытку Николая вступить на престол как узурпацию власти. Решительный генерал выразил мнение многих молчавших, поддержали его Д.И. Лобанов-Ростовский и А.С. Шишков. Председатель Совета шестидесятисемилетний князь Петр Васильевич Лопухин растерялся.

Николай смотрел на почтенных сановников и генералов, гася в себе ярость и отчаяние. Ему, да и покойному брату, и в голову не могло прийти, что может быть оспорена воля государева. Он вспомнил, как уходя, потрепал по щеке Сашку-наследника, как взволнована была жена-императрица... Но делать было нечего. Теперь для воцарения Николай должен был предъявить официальное отречение Константина на данный момент.

В Варшаву были посланы несколько курьеров, а пока Николай вынужден был официально присягнуть Константину Павловичу, привести к присяге гвардию, двор, Сенат, Синод и Государственный Совет.

В Бельведерском дворце известие о смерти Александра I было получено раньше, чем в Зимнем, еще 25 ноября. Константин собрал своих приближенных и сообщил, что отрекается от престола в пользу Николая, как обещал покойному брату. Был там и близкий ему Михаил Павлович. Однако никакого официального объявления о сем сделано не было. Можно лишь гадать, только ли из личной неприязни к Николаю Константин тянул время или запоздалое сожаление проснулось в нем.

В Петербурге ждали бумагу. Дни летели, а бумаги не было. Так создалась обстановка междуцарствия.

Разные слухи пошли гулять по всей России. В Москве известие о смерти императора Александра Павловича сильно всех поразило и многих опечалило. Появились гипсовые бюсты и траурные кольца с надписью «Наш ангел на небесах», раскупавшиеся нарасхват. Забурлили споры в заговорщицких кружках.

1 декабря Москва присягнула Константину Павловичу, но вскоре разнесся слух о его отречении от престола. Москвичи-заговорщики собирались в эти тревожные дни на квартирах Нарышкина, Фонвизина, Митькова. Воодушевление и ожидание чего-то решительного захватило всех. Нарышкин, только что приехавший с юга, уверял, что там все готово к восстанию, члены Южного общества имеют за собой огромное число штыков. Полковник Митьков в свою очередь уверял, что и в Петербурге члены общества могут опереться на большую часть гвардейских полков. Их деды еще помнили времена гвардейских переворотов, стоило и внукам попробовать.

Допоздна горели окна двухэтажного особняка Нарышкина на Пречистенском бульваре. Обдумывали, как поступить при получении благоприятных известий из Петербурга. Князь Николай Иванович Трубецкой, адъютант графа П.А. Толстого, тогда командовавшего корпусом, расположенным в Москве и ее окрестностях, брался доставить своего начальника, связанного по рукам и ногам. Открыто говорилось, что пора покончить с этим правительством. Предложениям и прениям не было конца. Александру Ивановичу Кошелеву было тогда девят-

надцать годов. Он жадно слушал бесконечные горячие споры и думал со страхом и восторгом, что для России наступает «великий 1789 год».

Отечественная война выбила целое поколение из узкой колеи дворянского существования, воодушевила общенациональными интересами, которых ради и воевали. Европейцы по духу и воспитанию, оторванные от корней русской жизни, они в ходе войны преисполнились пламенного патриотизма и жалости к крестьянину, открыв для себя несправедливость крепостного строя. Изменить все! Но как? Видимая легкость насильственных методов привлекла их; собственный военный опыт и нерешительность власти укрепили в этих намерениях.

Впервые в русской истории немалая часть образованной дворянской молодежи, вдохновляясь светлыми идеалами и негодуя на мрачные стороны действительности, ощутила себя чуждой нынешней власти, нынешнему обществу и общему порядку. О широте распространения подобных настроений свидетельствуют многие.

Тот же Кошелев, рассказывая позднее о «политических разговорах» в декабре 1825 года с И.В. Киреевским, Д.В. Веневитиновым, В.Ф. Одоевским, С.И. Шевырёвым и другими, заключает: «Мы, молодежь, менее страдали, чем волновались, и даже почти желали быть взятыми и тем стяжать и известность и мученический конец». К его счастью, «Общество Любомудрия» не могло привлечь внимания полиции.

Алексей Михайлович Милютин был далек от кругов оппозиционного дворянства. И не потому, что был боязлив, но – осторожен. Хватало и собственных волнений. Только благодаря заступничеству Николая Петровича Римского-Корсакова, благоволившего к его старшему сыну, ровеснику Саше Римского-Корсакова, смог избежать Алексей Михайлович следствия по делу Витберга. Слухи бродили разные, но в семье Милютиных была печаль: они любили покойного государя.

Старший Митя послушно ходил с родителями на панихиды, старательно крестился. У него была единственная встреча с царем. Осенью прошлого года с родителями и братьями Колей и Володей они ехали из гостей. У Тверской заставы Митя увидел нескольких генералов на красивых лошадях и засмотрелся.

– Картуз! Сними картуз! – быстро сказал отец, наклоня голову к снятому парадному цилиндру.

Только тогда Митя узнал известное по портретам лицо и поразился, как приветлива и добра улыбка царя, даже чуть печальна. Но может ли быть печален царь?

Александр Павлович впереди свиты обогнал Милютиных и с приятной улыбкой поклонился. Он очень понравился Мите. Жаль было доброго царя.

Много позднее взрослому Дмитрию Милютину подумалось в связи с детским воспоминанием, что всем царствованием своим Александр I безуспешно пытался, сам того не зная, опровергнуть один из афоризмов Наполеона: «Когда о каком-нибудь короле говорят, что он добр, значит, царствование не удалось».

...А тем временем междоусобица продолжалась. Все просьбы подавались на имя императора Константина Павловича и все указы издавались от его имени. На монетном дворе отчеканили первые серебряные рубли с профилем Константина. Николай приказал готовые монеты привезти в Зимний дворец и сдать Адлербергу.

3 декабря Михаил привез из Варшавы письмо Константина к матери и Николаю с отказом от прав на престол и вручил его Марии Федоровне. Николай Павлович стоял в соседней с кабинетом матери комнате и ждал. Наконец его позвали, и Мария Федоровна с чувством сказала: «Благодарите брата! Он приносит большую жертву!»

«Еще неизвестно, матушка, чья жертва больше», – хотел было ответить Николай, но пикироваться не стоило. Ему нужно было не частное письмо, а манифест Константина, ставшего на мгновение государем, об отречении. Вновь помчались в Варшаву курьеры.

А волнение усиливалось, межеумочное положение стало нестерпимым. Так можно было стать общим посмешищем. Николай решил и 12 декабря назначил на 14 число присягу себе как новому императору.

Часы потянулись для него невыносимо долго.

12 декабря в Зимний дворец пришло письмо от Якова Ивановича Ростовцева, двадцатидвухлетнего подпоручика лейб-гвардии егерского полка. Вместе с Е.П. Оболенским он служил адъютантом генерал-лейтенанта Карла Ивановича Бистрома; в штабе не раз слышал разговоры о печальной судьбе России, о несправедливой доле крестьян, а в начале декабря на квартире Рылеева прямые слова о том, что никто не присягнет Николаю.

Уверившись в существовании заговора, Ростовцев долго решал, как ему поступить. «Твердо решившись спасти государя, Отечество и вместе с тем людей, которых любил и которых считал только слепыми орудиями значительнейшего заговора, я вместе с тем решил принести себя в жертву общему благу; написал письмо мое к государю Николаю Павловичу и... отправился в Зимний дворец...» – так писал он спустя четверть века. На такой шаг действительно надо было решиться, ибо доноительство презиралось повсеместно, но в военной среде особенно.

Сведений о заговоре было предостаточно. Первые тайные общества стали организовываться в 1815 году и тогда же полицией начался сбор данных. К 12 декабря из Таганрога пришло донесение генерала И.И. Дибича, имелись доносы капитана Майбороды и уланского юнкера Шервуда. После совета с А.Н. Голицыным и М.А. Милорадовичем Николай отдал первые приказы об арестах. Таким образом, письмо Ростовцева большой тайны не открывало, если бы не одно обстоятельство: он назвал срок выступления и методы заговорщиков.

«Ваше императорское Величество! Всемиловитейший государь! Три дня тщетно искал я случая встретить Вас наедине, наконец, принял дерзость написать Вам. В продолжение четырех лет с сердечным удовольствием замечая иногда Ваше доброе ко мне расположение, думая, что люди, Вас окружающие, в минуту решительную не имеют довольно смелости быть откровенными с Вами, горя желанием быть, по мере сил моих, полезным спокойствию и славе России... я решился на сей отважный поступок. Не почитайте меня ни презренным льстецом, ни коварным доносчиком: не думайте, чтобы я был чьим-либо орудием или действовал из подлых видов моей личности; нет – с личною совестью я пришел говорить Вам правду...

Противу Вас должно таиться возмущение; оно вспыхнет при новой присяге, и, может быть, это зарево осветит конечную гибель России! Пользуясь междоусобиями, Грузия, Бессарабия, Финляндия, Польша, может быть, и Литва от нас отделятся, Европа вычеркнет раздираемую Россию из списка держав своих и соделает ее державою азиатскою, и незаслуженные проклятия, вместо благословений, будут нашим уделом!»

Далее Ростовцев предлагал Николаю Павловичу склонить брата Константина к принятию короны или публичному отказу от престола, дабы прекратить смуту.

Прочитав письмо, великий князь прослезился. Современному читателю, может быть, трудно поверить в подобную чувствительность, но то был век чувствительных людей. Горячо поблагодарив Ростовцева, Николай не удержался и спросил фамилий. Ростовцев, по его словам, заявил, что не знает никого, хотя «весьма многие питают неудовольствие против Вас».

На следующее утро Ростовцев обо всем рассказал Оболенскому и Рылееву. Первый сперва пригрозил ему скорой гибелью, но более разумный Рылеев сказал, что Ростовцев «не виноват в различном с нами образе мыслей». Им надо было выиграть день, успокоить Николая, и потому доверчивому, простоватому Ростовцеву Оболенский сказал, что якобы поняв свою безрассудность, они отказались от намеченных действий. Ростовцев обрадовался.

Столь много внимания декабрьскому мятежу уделено в силу его реальной значимости для судьбы России. Безумный день этот, могший стать роковым поворотом в российской истории, сильно повлиял на умы людей, заставил всерьез задуматься и совершить выбор тех, кто составлял активную часть общества. Главный герой нашего повествования оказался в центре событий. Другие герои прямо или опосредованно участвовали. Мятеж ни для кого не прошел бесследно.

12 декабря семилетний великий князь Александр Николаевич был провозглашен наследником престола. Ему сказали об этом, строго предупредив, что пока об этом никому говорить нельзя, и подавленный тайной взрослых мальчик долго плакал.

В тот день для составления манифеста по указанию Николая был приглашен Карамзин. Представленный им текст не понравился, там было слишком много похвал прошедшему царствованию и излишек обязательств царствования наступающего. Манифест переделал Сперанский 13 декабря, ночью его отредактировал Николай и подписал, но пометили манифест задним числом – 12 декабря. К нему были приложены бумаги из тайного пакета и пришедшее накануне письмо великого князя Константина Павловича императрице Марии Федоровне и великому князю Николаю Павловичу о его отказе от прав на престол, помеченное 3 декабря.

Наступила полночь, но нового государя ждал Государственный Совет. Николай медлил. Ему хотелось пойти в Совет вместе с братом Михаилом, а тот не спешил. То были дни и ночи быстрых решений. Николай взял бумаги, императрица-мать благословила его, и он пошел. Через полчаса вернулся и обнял жену. Их поздравляли и впервые называли «Ваше Величество».

В этот же день на квартире Кондратия Рылеева, чиновника Российско-американской компании, собрались заговорщики. Давно было решено, что момент выступления следует приурочить к смене царствования. «Случай удобен, – говорил Иван Пущин. – Ежели мы ничего не предпримем, то заслужим во всей силе имя подлецов».

Был выработан план: отказавшиеся присягать полки выводить на Сенатскую площадь рано утром. Силой оружия заставить Сенат объявить существующую власть низложенной и одобрить Манифест к русскому народу. Диктатором избрали князя Сергея Петровича Трубецкого.

В революционном Манифесте объявлялось об уничтожении бывшего правления и учреждении Временного революционного правительства, о ликвидации крепостного права и уравнивании всех граждан перед законом, о введении свободы печати и занятий, гласного суда присяжных и всеобщей воинской повинности.

Одобрение Сената должно было придать видимость законности действиям мятежников. Гвардейский Морской экипаж и Измайловский полк под командой Якубовича должны были захватить Зимний дворец и арестовать царскую семью. Предполагалось, что после решения Учредительным собранием – Великим собором – вопроса о форме правления в России или из Романовых будет избран конституционный монарх, или они будут изгнаны за границу. Но это были лишь рассуждения для простаков.

Вожди давно наметили иной план. Рылеев просил Каховского утром 14 декабря проникнуть в Зимний дворец и, действуя как бы от себя, убить Николая Павловича. «Открой нам путь!» – просил Рылеев, всего семь лет назад приветствовавший рождение сына Николая Павловича. В обоих случаях Рылеев был вполне искренен. То был век людей искренних. Наконец, стоит ли говорить, что при захвате Зимнего дворца более чем вероятной была гибель большей части, если не всей, царской семьи.

Правда, по настоянию некоторых предусмотрительных членов общества рассматривался вариант возведения на престол семилетнего великого князя Александра при передаче правле-

ния Регентскому совету, что было бы «понятнее народу». Судьба же взрослых членов царской семьи в этом случае была весьма неопределенна.

Но неудачи преследовали заговорщиков одна за другой. Каховский отказался, не пожелав выглядеть террористом-одиночкой. Грозный по виду Якубович также отказался возглавить штурм дворца, сказав, что будет полезнее на площади. Рылеев искал замену...

Рано утром 14 декабря на маленького Сашу надели Андреевскую ленту и повезли в Зимний дворец. Широкая голубая лента и тяжелая звезда высшего российского ордена принадлежали ему от рождения, но сегодня впервые были надеты всерьез. Это и радовало, и пугало.

День был сумрачный. Тяжелое серое небо сеяло снегом с дождем. Карету еще не переставили на полозья, и потому она часто проваливалась в рытвины. В карете было тесно. Сестры капризничали, фрейлины их успокаивали. На него никто не смотрел.

Брызги снега и грязи залепили окошки, и были плохо видны в утренних сумерках знакомые здания на Невском. Саша потрогал большой холодный орден и решил, что, когда станет царем, будет ездить в карете только один.

Николай Павлович 14 декабря поднялся еще затемно. «Нынче или я буду государь, или мертв», – сказал он себе. Мысль о возможности смертельного исхода не покидала его последние дни. Из головы не шли рассказы о гибели Людовика XVI с Марией Антуанеттой и цвета французской аристократии от рук парижской черни. Еще страшнее были глухие толки об убийстве отца руками его же слуг... Этой ночью он молился с плачущей женой, а после сказал ей: «Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество и, если придется, умереть, – умереть с честью». Он был готов ко всему.

И все же огромная внутренняя сила этого человека заставила его собраться и вступить в борьбу.

В шестом часу утра во дворец прибыли все генералы и полковые командиры гвардии. Объяснив им, почему после присяги, принесенной ранее Константину Павловичу, он ныне вынужден покориться его воле и принять престол, к которому после отречения брата является ближайшим в роду, сам прочитал им духовную покойного императора Александра Павловича и полученный из Варшавы акт отречения Константина.

Генералы и полковники слушали в угрюмом молчании. На вопрос нового государя, можно ли быть уверенным в их преданности и готовности жертвовать собой, отвечали утвердительно. Николай приказал им ехать по своим полкам и привести полки к присяге.

Несмотря на пугающие слухи, генерал-губернатор граф Милорадович в полной парадной форме и голубой ленте перед присягой утром заехал к своей милой Катеньке Телешовой, двадцатилетней балерине Александрийского театра. Вскорости прискакал вестовой, соскочил с лошади и, гремя шпорами, побежал по лестнице в квартиру Телешовой. Через несколько минут сам граф сбежал вниз, и карета в четверке помчалась по Невскому.

Милорадовича любили солдаты и отмечало начальство. Смелость его была легендарной. Из всех войн он выходил без ранений, с орденами. Ему исполнилось пятьдесят четыре года, но он был полон сил и энергии.

Еще поутру пребывал в уверенности, что не бунт в столице, а дурь головы некоторые замутила.

Рано утром скороходы и курьеры обегали весь центр столицы. От двора было повелено всем, имеющим право на проезд, собраться в Зимнем дворце к 11 часам утра. В тот же час Синод и Сенат должны были собраться у себя для принесения присяги. Так было объявлено вчера, и, узнав об этом от Оболенского, на это рассчитывали заговорщики. Но члены Сената и Синода принесли присягу много раньше, в 7 утра.

Николай не мог сидеть на одном месте. Он переходил из комнат в залы, жадно бросался к приехавшим за новостями.

Примчался Милорадович, две недели назад противившийся признанию его законным государем, и уверял в полном спокойствии столицы. Командир конной гвардии генерал-майор А.Ф. Орлов доложил, что полк присягу принял. И.О. Сухозанет сообщил, что артиллерия присягнула, но в гвардейской конной артиллерии офицеры выказали сомнение в законности присяги Николаю, желая слышать удостоверение от великого князя Михаила, известного дружкой с Константином и потому будто бы удаленного из Петербурга. Несколько «протестантов» Сухозанет был вынужден арестовать. По счастью, послышался голос брата, и Михаил Павлович показался на пороге кабинета. Он с готовностью отправился для приведения заблудших в порядок.

Все это были огорчительные неприятности, не более. Николай ждал известий о заговоре, и вскоре они поступили.

– Государь! – воскликнул с порога генерал-майор Нейгардт, начальник штаба гвардейского корпуса. – Московский полк в полном восстании! Мятежники идут к Сенату! Я их едва обогнал, чтобы донести вам об этом. Прикажите, пожалуйста, двинуться против них первому батальону Преображенского полка.

– Так... – наклонил голову Николай. Не миновала его чаша сия. – Пусть седлают конную гвардию. Дворец пока не покидать!

В кабинет вошла Александра Федоровна.

– Никс! – протянула к нему руки, – У меня сердце не на месте. Я боюсь за тебя! За детей! Вдруг они ворвутся сюда...

– Кавелин! – крикнул он адъютанту. – Приготовь у Эрмитажного подъезда те три кареты. И возьми у Орлова эскадрон!..

Простившись с женой, Николай отправился на Сенатскую площадь. Им двигало желание поскорее так или иначе развязать завязавшийся узел. На площади уже стоял батальон преображенцев. Конные кавалергарды, шесть эскадронов, обогнув строящийся Исаакиевский собор, размещались перед домом князя Лобанова-Ростовского. Здесь же собрался дипломатический корпус.

По воспоминаниям очевидцев, Николай был чрезвычайно бледен, по виду то решителен и грозен, то растерян в высшей степени. В одном мундире с голубой лентой он ехал верхом перед батальоном преображенцев от Дворцовой площади к Сенатской – рядом была дюжина генералов, но вдруг стало ясно, что никто из них не решается взять в свои руки подавление мятежа.

– Дело идет дурно, государь! – сказал вышедший из кареты Милорадович. – Мятежники не хотят уходить с площади, но я пойду уговорю солдат.

– Вразумите их, граф! – отвечал Николай. – Скажите, что их обманывают! Вам они поверят.

Милорадович в объезд, через Синий мост, по Мойке, Поцелуев мост добрался до конной гвардии, ставшей между зданием Адмиралтейства и мятежниками.

– Поедем вместе их уговорим! – предложил он Алексею Орлову.

– Я только что оттуда, – отвечал тот, – и советую вам, граф, не ходить туда. Мой полк скоро будет готов.

– Нет! – запальчиво вскричал Милорадович. – Я не хочу вашего г... полка! Да и не хочу, чтобы этот день был запятнан кровью!

Он взял лошадь адъютанта Орлова. Ряды конногвардейцев разомкнулись, и Милорадович выехал на площадь, с которой его через полчаса увезут смертельно раненным.

В полдень Николай послал Адлерберга к князю Долгорукому, обершталмейстеру императорского двора, а проще говоря – главному конюшему, с приказанием приготовить выезд императрицы-матери и жены с детьми в Царское Село.

Сам же, положась на волю Божию, выехал на Сенатскую площадь, дабы рассмотреть положение мятежников, и был встречен выстрелами. Николай никогда ранее не бывал в бою, но этот свой первый бой он должен был выиграть. Пока же он отступил.

Центр Петербурга опустел. Везде ворота были заперты, магазины закрыты, и только одни дворники изредка выходили из калиток узнать, что делается на улице. Тишина, самая печальная и самая тревожащая, царствовала повсюду, вспоминали после очевидцы.

Александра Федоровна прошла в комнату, где находились дети. Никакого в них не было величия, просто напуганные котята. Уставясь на картину Буше, она внимательно разглядывала глупую веселую даму, к губам которой не менее веселый кавалер в чулках и парике подносил бокал вина. «Ходит птичка весело по тропинке бедствий...» – пришли на ум слова старой песенки. Она вдруг поняла, что тяготило ее – тишина. Плотно закрытые двойные двери отгородили ее от невиданной ранее во дворце суеты, громких разговоров и беготни. Все это волновало, но тишина беспокоила еще больше.

Оставив Машу, Ольгу и грудную Сашеньку под присмотром фрейлин, с маленьким Сашей она прошла в маленький кабинет императрицы-матери.

Им освободили место у окна, пододвинули кресла. Примостившаяся рядом на банкетке истинный друг императрицы баронесса Цецилия Владиславовна Фредерикс не теряла присутствия духа, и ее пустая болтовня производила обычное успокоительное действие. Окна покоев Марии Федоровны выходили на Адмиралтейство, но видны были и набережная, и разводная площадь. Все было заполнено людьми. Вперемешку двигались ряды военных мундиров, конный строй и штатские в темных шубах, шинелях, поддевах.

– Матушка, нельзя ли послать кого-нибудь узнать, что там? – просительно сказала Александра Федоровна и вдруг заметила удивленные глаза императрицы-матери. Да, верно, и самой можно теперь повелевать... но было непривычно.

Послали одного гонца, другого, третьего – они не возвращались. Попросили Карамзина, и бедный старик побежал, и еще несколько раз бегал, чтобы успокоить новую императрицу – император жив.

Падал мелкий снег. К трем часам почти стемнело.

К этому времени петербургский митрополит Серафим и киевский митрополит Евгений также были отправлены уговаривать восставших солдат. В полном облачении, в сверкающих драгоценными камнями митрах отправились они с крестом и Евангелием на площадь. Митрополит Серафим громко заявил перед шеренгой солдат, что перед Богом свидетельствует: воля покойного государя и великого князя Константина состояла в том, чтобы царствовал Николай. Ему кричали, что не верят.

Солдат вывели на площадь обманом. Не за свободу пошли они, а за законного, как им объяснили умные офицеры, «царя Константина и его жену Конституцию». Мужики в серых шинелях не революции хотели, а порядка.

Над стариком-митрополитом смеялись, ему открыто грозили, и он поспешил уйти. Во дворце Мария Федоровна спросила его: «Чем нас утешите? Что там делается?» – «Обругали и прочь отослали», – только и ответил первосвященник столичный.

«Толпа знати в Зимнем дворце час от часу редела», – хладнокровно отмечал Карамзин, находившийся там с утра. Он нетерпеливо ожидал пушечного грома, уверенный, что нет иного способа прекратить мятеж, «нелепую трагедию наших безумных либералистов».

Зимний дворец оказался почти без охраны, как и предполагали мятежники. Туда под командой офицера Н.А. Панова Рылеев отправил неполный батальон лейб-гренадер для захвата дворца и царской семьи. Хотя приказания Николая Павловича в тот день выполнялись с промедлением, однако направленные им гвардейский и учебный саперные батальоны успели дойти и выстроиться во дворе Зимнего до прихода Панова.

– Да это не наши! – закричал Панов и поворотил гренадер, бросившихся бежать обратно на площадь.

Меж тем к Московскому полку присоединились весь гвардейский Морской экипаж и часть гренадер. К преображенцам – Измайловский, Семеновский, Павловский и Егерский полки.

Толпившийся на площади народ начал колебаться. Соблазн сопротивления власти, неподчинения начальству имеет волшебную силу над русским человеком.

Вожди мятежа уже поняли, что цель их – подчинить своей воле Сенат – недостижима. После принятия присяги сенаторы поспешили разъехаться. Князь С.П. Трубецкой, пораженный малочисленностью заговорщиков, не решился возглавить мятеж. Военной смелости у него было с избытком, но только сейчас он понял, что недоставало гражданской мудрости. Укрывшись в доме сестры, графини Елизаветы Потемкиной, он жарко молился. «О Боже! Вся эта кровь падет на мою голову!» – в ужасе повторял он.

А к этому времени на площади многие из собравшейся толпы стали перебегать к восставшим. Ремесленники, крестьяне, купцы, разносчики, чиновники, подмастерья, любопытствующие, школьники – все они, волнуемые речами офицеров и небывалостью событий, окружили каре восставших. Толпы людей, хлынувшие на площадь позднее, не пропускались жандармами, народ толпился за правительственными войсками, образуя второе кольцо. Вскоре Николай понял опасность такого окружения десятками тысяч простонародья.

Шум и крики усиливались. Рабочие-строители из-за забора «исаакиевской деревни» стали кидать поленьями в группу генералов. Принц Евгений Вюртембергский, племянник Марии Федоровны, повалил конем одного рабочего и закричал:

– Ты что делаешь?

– Сами не знаем. Шутим-с, барин, – отвечал тот.

Из рядов мятежников раздавались выстрелы. Утром Каховский смертельно ранил Мило-радовича. Позже стреляли в генерала Воинова, жестоко избили флигель-адъютанта Биби-кова; в великого князя Михаила, также уговаривавшего солдат покориться, стрелял Вильгельм Кюхельбекер, но револьвер дал осечку. Надо было решаться положить конец бунту – так повторяли люди рядом, а он кивал механически и ничего не приказывал, отъезжал к Зимнему дворцу и возвращался.

Французский посол Ла Ферронэ подошел к нему и выразил готовность поддержать его авторитет присутствием всего дипломатического корпуса.

– Благодарю вас, – отвечал Николай Павлович на безупречном французском языке, – но это дело семейное, здесь Европе делать нечего.

Чего ждали мятежники? Намечено было заранее, что в случае неудачи они ретируются на военные поселения близ Новгорода и превратят последние в очаг сопротивления. Ростовцев мельком слышал об этом и среди прочего сообщил в письме Николаю. Подобный исход сулил опаснейшую угрозу.

– Ваше величество, толпа все растет, они могут окружить войска, а скоро стемнеет. Могут и дворец захватить! Позвольте послать кавалерию!

Конная гвардия, ведомая Алексеем Орловым, первой пошла в атаку, но по тесноте и от гололедицы ничего не смогла добиться. Лошади были подкованы без шипов и падали вместе с всадниками.

– Государь! – вновь подъехал генерал-адъютант Васильчиков, начальник гвардейского корпуса. – Нельзя терять ни минуты! Ничего не поделаешь – нужна картечь!

У него самого была эта мысль, но прибывшая артиллерия оказалась без зарядов. За ними послали. «Неужели придется начать царствование пролитием крови своих же подданных?» – ужасался он и все медлил.

– Заряды есть? – спросил он.

– Подвезли, – наклонил голову генерал. – Только так вы можете спасти империю и династию.

Николай был благодарен Васильчикову за эти слова. За несколько часов на бунтующей площади он пережил и передумал больше, чем за всю предыдущую жизнь. Не случайно многие отмечали, что Николай Павлович стал иным после того.

Перед строем Преображенского батальона поставили три орудия, зарядили картечью. Генерал Сухожанет был послан к мятежникам с предупреждением, но ни вид орудий, ни слова генерала не изменили их намерений. Все оглянулись на Николая, и он, не обычным звонким тенорком, а хрипло, скомандовал:

– Пли!

Первый залп ударил высоко в здание Сената и вызвал смех противной стороны. Но второй, третий и четвертый залпы били прямо в самую середину толпы. Мгновенно все рассыпалось. По Английской набережной, по Галерной и даже к Крюкову каналу бросилась напуганная толпа, обезумевшая, желающая спастись. Клубы пушечного дыма повисли над площадью, мозгом и кровью обрызганы были колонны Сената.

Шел пятый час вечера. При первом залпе Александра Федоровна упала на колени и стала горячо молиться. Она никогда ранее так не молилась. Встав с колен, обратилась к сыну:

– Запомни этот день, Саша! Там твой отец, твой государь!

– Что скажет Европа! – сокрушенно восклицала Мария Федоровна.

Испуганный сын уставился на Александру Федоровну большими глазами.

– Мама, мама! Что с тобою?

У новой государыни от нервного потрясения начала трястись голова, и это осталось у нее на всю жизнь.

Сашу пытались отправить во внутренние комнаты, но он не захотел, вместе с матерью стал дожидаться возвращения императора. Оба бросились на звук его шагов и встретились на деревянной лестнице. Николай обнял их обоих.

– Ты жив! Ты жив! – только и повторяла Александра Федоровна. – А нас тут чуть не захватили...

– Знаю. Ах, сердце мое, – устало сказал он, – самое удивительное в этой истории – это то, что вас не захватили, что нас с Михаилом не пристрелили в толпе. Само милосердие Божие правило к лучшему и спасло нас. Все позади, позади... Больше такого не случится!

Маленький Саша прижался к его боку и всхлипывал.

– А тебе должно быть стыдно! – строго сказал отец. – Сегодня ты стал наследником престола.

И почувствовав облегчение и уверенность в себе, схватил Сашку на руки и вынес на двор, где стояли столь дорогие ему отныне саперы.

– Слушайте, ребята! – громко скомандовал он. – Я не нуждаюсь в защите, но вот его я вверяю вашей охране! Вы его полюбите, как я сам люблю!

На всю жизнь запомнил будущий Царь-Освободитель, как страшные, усатые мужики, пахнувшие мокрым шинельным сукном, табаком и потом, окружили его, целовали руки и ноги, а он лишь теснее прижимался к широкой отцовской груди.

Наступил вечер. Зимний дворец, превратившийся не то в военный штаб, не то в бивуак, гудел от разговоров. Людей прибыло много больше, чем днем. Все высшее общество терпеливо ожидало возле дворцовой церкви.

В седьмом часу показались Николай Павлович в Преображенском мундире и Александра Федоровна в белоснежном русском платье. За ними следовали императрица-мать, великий князь Михаил и новый наследник Александр Николаевич в голубом гусарском мундире с голубой лентой через плечо.

Митрополит Серафим вышел к ним навстречу с крестом и святой водой. Служба была недолгой. Николай и Александра стояли на царском месте на коленях и тихо повторяли слова молитвы. Когда хор грянул «Многая лета», они взглянули друг на друга и с умилением увидели на глазах слезы.

Но долгий день на этом не закончился. Ночью начались аресты, а многие мятежники сами приходили во дворец сдаваться. Николай несколько раз за ночь проводывал жену, которая легла, окруженная детьми. Он называл ей фамилии арестованных и печально улыбался ее неверию. Сказал, что сабельная рана барона Фредерикса не тяжела, а Милорадович скончался. Случилось это уже под утро.

Нехотя наступал серенький, мутный рассвет.

Часть II. Отец и сын

Глава 1. Коронация

Декабристы были казнены на рассвете 13 июля 1826 года.

22 августа в Москве состоялась коронация Николая I.

Эти два события стали огромным потрясением и сильно повлияли на формирование личности Александра Николаевича. Как ни огораживали его играми, товарищами, учебой, он многое видел, слышал, чувствовал и пытался понять в той мере, в какой это возможно восьмилетнему человеку.

Он видел состояние отца. Николай Павлович писал матери 12 июля 1826 года: «...у меня прямо какая-то лихорадка, у меня положительно голова идет кругом. Если к этому еще добавить, что меня бомбардируют письмами, из которых одни полны отчаяния, другие написаны в состоянии умопомешательства, то уверяю вас, дорогая матушка, что одно лишь сознание ужаснейшего долга заставляет меня переносить подобную пытку».

В дворянских гостиных говорили, теперь уже шепотком, что Александр I в первые дни своего царствования выпустил всех узников Петропавловской крепости, так что один из них написал на двери своей темницы: «Свободно от постоя». Братец же начал с тюрем, каторги и казни. Стоит ли дальше ждать добра?

Припоминали и многочисленные рассказы о Николае, еще великом князе. То он при фронте разругал офицера лейб-егерского полка В.С. Норова и, стукнувши ногою по земле, обрызгал его грязью. Норов подал в отставку, и все офицеры полка сделали то же самое. Это было сочтено за бунт. Норова и многих офицеров перевели тем же чином в армейские полки. Как-то на учении великий князь до того забылся, что хотел схватить офицера Самойлова за воротник. Тот ответил ему: «Ваше высочество, у меня шпага в руке». Николай отступил, промолчал, но ответа не забыл и после декабрьского мятежа два раза осведомлялся, не замешан ли Самойлов. По счастью, он не был замешан. Норов же оказался членом «Союза благоденствия» и Южного общества, был арестован в Москве и осужден по II разряду на каторжные работы.

Меньше говорили о великодушии нового царя. Тяжело заболевшему Карамзину он отпустил 50 тысяч рублей на лечение и снарядил фрегат для поездки историка за границу.

Существенно дополняют облик Николая его письма к брату Михаилу. Так, 9 мая 1826 года он писал из Петербурга в Москву: «...Я получил сегодня после обеда твое письмо, любезный Михайло, и благодарен тебе весьма за оное, но не за „ваше величество“. Я не понимаю, что тебе за охота дурачиться; а еще менее понимаю, как можно в партикулярном письме, разве в шутку, себе позволить с братом выражение, которое походит на насмешку. Я прошу тебя серьезно переменить этот тон, который меж братьями вовсе неприличен.

Оставайся в Москве, покуда матушке угодно или жене твоей нужно будет... Твой навеки друг и брат Н.».

Невозможно в жизни государственного деятеля отделить сугубо личное от делового, все взаимопереплетено. И как же много разного было перемешано в личности Николая...

Письмо из Царского Села от 12 июля 1826 года: «...Чем мне было тебе воздать за 14 число и за твое усердие и дружбу! Я придумал – и желаю, чтоб тебе столь же было приятно, как мне от души желательно – те четыре орудия, которыми все решилось, прошу тебя принять в память этого дня в знак нашей старой ребячьей дружбы, с которой росли, с которой и умру. Твой верный брат и истинный мученик. Н.».

Разговоры о коронации Николая Павловича пошли с апреля месяца. Думали совершить ее в июне, но 4 мая пришло известие о кончине императрицы Елизаветы Алексеевны. Был объявлен траур на полгода, и коронация перенесена.

Разговоры и толки не прекращались, и потому было решено сократить траур и провести церемонию в августе. Начались приготовления.

Двор прибыл в Москву 20 июля. Государь и государыня по традиции остановились в Петровском замке, а утром следующего дня торжественно въехали в Первопрестольную. Императрица ехала с великим князем Александром Николаевичем в карете, а император рядом верхом. С ними были великий князь Михаил Павлович, брат императрицы прусский принц Фридрих-Вильгельм (будущий король Пруссии), большая свита, послы от иностранных дворов.

По обеим сторонам пути были выстроены войска. Зрители стояли на специально сколоченных подмостках, чего, как говорили старики, раньше не бывало. Коронация эта по торжественности и пышности превосходила многие прежние.

В дни царских приездов Кремль всегда полон народа, все надеются увидеть государя. Николай Павлович вышел на балкон с двумя братьями, Константин справа, Михаил слева. При виде царя с братьями крики «Ура!» сделались оглушительными, так что Александра Федоровна во внутренних покоях взволновалась, помня недавние события.

В толпе рассказывали, что при первом свидании цесаревича с братом, который уступил ему престол, Николай хотел обнять Константина, но тот схватил руку Николая и поцеловал, как подданный у своего государя.

В вечер накануне коронования погода установилась ясная, тихая. В обычный час поплыл над Москвой благовест к всенощному бдению. Ударил Иван Великий, за ним ближние и дальние, большие и малые колокола.

Многие плохо спали, опасаясь опоздать в Кремль. Проход был по билетам, те, кто поспешил, смогли хорошо устроиться на деревянных помостах.

Пышно и торжественно было шествие в Успенский собор. Короновали три митрополита: Петербургский Серафим, Киевский Евгений и Филарет, к этому дню получивший сан митрополита Московского.

Пышная трапеза состоялась по окончании церемонии в Грановитой палате. Семья царская кушала под балдахином на тронной площадке, на ступеньках к которой с обнаженными палашами стояли родовитые дворяне.

К царской трапезе допущены были немногие. Немногие и получили в тот день милости: было даровано несколько андреевских и иных лент, несколько дам пожалованы статс-дамами, были пожалования деревнями и назначения новых фрейлин.

Маленькому Саше при коронации позволили принять участие в параде в Москве, и он лихо промчался на коне перед эскадроном своего лейб-гвардии Гусарского полка. На опасения придворных его отец дал характерный ответ: «Пусть он лучше подвергается опасности, которая вырабатывает в нем характер и с малолетства приучит его стать чем следует, благодаря собственным усилиям».

Стоит ли говорить, что маленький великий князь вызывал всеобщее умиление. В дни коронации он отправился посмотреть иллюминацию, но восторг толпы при виде «нашего московского князя Александра Николаевича» был настолько велик, что трудно было ехать в коляске из опасения раздавить кого-либо. Пришлось, к огорчению мальчика, вернуться и смотреть иллюминацию с балкона Кремлевского дворца. Яркими желтыми огнями горели кремлевские стены и сады, большие и малые царские вензеля светились на ближних и дальних домах.

Саше было скучно без его верной компании – Паткуля, Адлерберга, Виельгорского и Алеши Толстого, а с компанией в Кремле не очень-то разгуляешься. Отец отправил его с мальчишками в Нескучное, пригородную дачу за Калужской заставой, только что приобретенную им у графини Анны Орловой для жены. Дача была названа Александрией. Вот уж там, на про-

сторе они играли в зайцев, серсо, носились наперегонки, стреляли в беседке, а вечерами чинно пили чай на веранде за большим столом.

Осы кружились над нежным земляничным и малиновым вареньем, и одна непременно увязала в нем к веселому ужасу девочек. Великие княжны очень любили варенье, а вечно голодные мальчишки налегали на холодную телятину, так что к концу чая на большом блюде с золотым царским вензелем на синем фоне оставалось ее немного.

Нежный и сладкий аромат роз носился в вечернем воздухе, пока не сменяла его влажная свежесть от реки. Колокольный перезвон московских церквей доносился все явственнее. Александра Федоровна в приподнятом настроении отдавала последние приказания перед отъездом в город. Девочки собирали крошки калачей, которыми кормили воробьев, мальчишки отправились в стоящую на отшибе беседку для очередной проверки, кто же лучше стреляет – Саша или Алеша?

Пошли балы и праздники один лучше другого: при дворе у главнокомандующего, у графини Орловой, у князя Сергея Михайловича Голицына, у посла Франции маршала Мармона, в Останкине у графа Шереметева, но лучше всех удался праздник в Архангельском у князя Юсупова. Там было нечто невообразимое, и вся Москва повторяла чью-то фразу: «Князь Юсупов, верно, побился об заклад, что перещеголяет покойного князя Потемкина».

Праздники праздниками, но и работать надо. Главной заботой Николая Павловича была вспыхнувшая война с Персией, вообразившей, что взволнованная смутой Россия позволит ей вернуть Закавказье.

16 июля войска персидского шаха без объявления войны вторглись на территорию империи в районе Карабаха и двинулись на Баку, Ленкорань и Кубу. Немалую подстрекательскую роль сыграли тут английские резиденты в Тегеране, стремившиеся предотвратить выступление России в защиту греческого восстания против турок. Главной целью в борьбе держав были проливы.

В Петербург сообщили, что азербайджанское население не поддержало своих ханов, настроенных в пользу Персии, что облегчало борьбу с ней. Это была первая война в царствование Николая и потому, но и не только потому, ее надлежало повести быстро и успешно. Командующим русскими войсками император назначил генерала Ивана Федоровича Паскевича, своего «отца-командира». Так развивался Восточный вопрос, центральный в дипломатии Николая I.

В праздничные дни для народа были устроены гулянья на Девичьем поле. Как водится, были расставлены столы с разными яствами, целые зажаренные быки с золотыми рогами, били фонтаны из разных вин, стояли чаны пива. Для высочайших гостей устроили особый павильон. После их прибытия подняли флаг, обозначавший, что можно начинать, и народ бросился к столам. Мигом все растащили, осушили фонтаны, и чаны с пивом недолго застоялись – народу было более ста тысяч.

Только уехали государь с государыней, толпа бросилась обдирать царский павильон, крича: «Все наше! Хватай, братцы!» Сделалась ужасная суматоха и давка, несколько человек стиснули до смерти.

Тем не менее и в этот вечер был зажжен чудный фейерверк, по рассказам, он стоил несколько десятков тысяч: пущены были ракеты, шутихи, крутились щиты и вензеля.

Семья Милютиных была рада праздникам, но не менее рада царской милости к Павлу Дмитриевичу Киселеву: ему был пожалован орден Святого Равноапостольного князя Владимира 2-й степени, один из высших в империи. Папенька с маменькой взволнованно обсуждали событие, а наутро поехали поздравлять и взяли с собой Митю.

Митя плохо знал дядю, но гордился им, боевым генералом. Попали они несколько не вовремя – Киселев ждал вызова к царю, но благодаря этому он был один, смогли посидеть некоторое время.

Разговоры старших были отрывисты, Митя в них не вслушивался. Он во все глаза рассматривал золотую шпагу дядюшки с надписью «За храбрость», а потом, прислонившись к коленям матери, изучал ордена. Дядюшка с улыбкой называл:

– Самый первый мой орден и самый дорогой я не ношу, это Анна 4-й степени за Бородино. Ты знаешь о Бородинском сражении?... Я ее снял, потому что после пожаловали Анну 2-й степени с алмазами. В войну получил я и Владимира 4-й степени, а теперь вот государь отметил меня 2-й степенью. Это прусский орден «За заслуги», это баварский Максимилиана 3-й степени.

Звезда и крест Владимирские были, конечно, самыми красивыми. Золотой крест, покрытый вишневого цвета эмалью, заключал в сердцевине круг с изображением горностаевой мантии, на которой стоял вензель СВ под великокняжеской короной. Звезда была большая, в виде серебряного четырехугольника, наложенного на такой же золотой. В центральном медальоне между концами золотого крестика Митя разобрал буквы СРКВ, а вокруг на красной ленте шли три слова: Польза, Честь и Слава.

– Дядюшка, – выждав заминку в разговоре, спросил Митя, – что значат эти слова?

– Это, Дмитрий, девиз ордена. Так государь оценил заслуги мои.

Пожалование ордена было собственно не оценкой заслуг Киселева, бесспорных и значительных, но относящихся к ушедшим временам. Скорее это был знак доверия – несмотря на очевидные связи с мятежниками, отчасти знак милости. Разговоры с Николаем Павловичем наедине в эти дни позволяли надеяться на многое. Павел Дмитриевич не стал об этом распространяться, хвастаться вообще не любил, тем более перед своими.

Мимолетные разговоры с Алексеем Орловым много обнадежили его. Государь остался по-прежнему столь милостив к брату одного из главных мятежников, что в июне присутствовал на его свадьбе. Судьба строптивого Михаила Орлова, в 1813 году по приказу Александра I принимавшего капитуляцию Парижа, была много смягчена: избежав казни, каторги, ссылки, он был водворен на жительство в Москве под надзором полиции. Часто грубый, жестокий и мстительный, Николай мог быть и рыцарски великодушным.

Об этом говаривали не раз, сойдясь в Москве, Орлов, Киселев и Чернышев, три восходящие звезды новой власти, те новые люди, которым предстояло большое поле деятельности. Три светских «льва» привлекали всеобщее внимание. В Большом театре в перерыве все стояли возле оркестра, публика только на них и глазела. Веселый, юркий Пушкин вертелся рядом, острил и по их желанию сочинял злые эпиграммы на известных лиц.

Обманувшись Александром Павловичем, его поверхностными мечтаниями, Киселев прочно поверил в нового царя. Он знал, что Николай проявил большое внимание к своду ответов мятежников по вопросам внутреннего состояния государства. Правителем дел следственной комиссии А.Д. Боровковым было составлено три списка ответов, один из которых государь оставил у себя, второй отослан в Варшаву Константину Павловичу, а третий передал князю Кочубею, председателю Государственного Совета.

Третий список и был дан для ознакомления Киселеву.

– Посмотри его и обдумай, – сказал государь. – Там много пустословия, но немало и дельного.

Киселев многого не знал. В декабре прошлого года, после долгих размышлений, он направил в столицу письма, в которых пытался объяснить свое двусмысленное положение. Он полагал, что это удалось.

Но уже на первых допросах некоторые злоумышленники показывали, что надежды на успех своего предприятия они основывали на содействии членов Государственного Совета

графа Мордвинова и Сперанского, генерала Киселева и сенатора Баранова. По строгому указанию царя изыскание об отношении этих лиц к злоумышленному обществу было произведено с большой тайной. Расследование вел правитель дел следственной комиссии Боровков, он же собственноручно писал производство, хранил его у себя, не вводя в общее дело, он же представлял материалы царю, сокрушаясь, что нельзя переписать, – собственный почерк был не блестящ.

Вывод, предложенный вниманию государя, состоял в следующем: напрасно мятежники тешили себя надеждами на содействие столь видных лиц, основываясь на подчас свободном и резком мнении тех о событиях государственной жизни.

Вывод этот официально был признан основательным. Никаких последствий для названных лиц не последовало, кроме одного: все четверо были включены в состав Верховного уголовного суда над декабристами. Да, собственно, на кого еще мог положиться Николай Павлович, намеревавшийся начать свое царствование по-новому. Он не мог не признать основательности критики многих сторон российской жизни. Для ее изменения нужны были не ловкие царедворцы, а умелые и мужественные деятели. Таких он нашел, проверил и поверил им.

Споры на площадях больше не будет, они перенесутся в гостиные. Крепостники с искренним негодованием говорили, что крестьяне стали «предаваться роскоши»: начали носить сапоги, менять шапки по три раза в год, тогда как прежде всю жизнь носили один картуз и тот передавали детям; мужики стали заводить чай и самовары – вот куда идут дворянские доходы!

Немногочисленные тогда их противники с молодой горячностью доказывали невыгодность крепостного труда для сельского хозяйства. Вот и англичанин Адам Смит написал... Но что нам – англичанин! «Житие наших мужиков есть самое беззаботное и счастливое», – утверждал «Дух журналов».

Таковы были августовские дни 1826 года, теплые, ясные, с густо-голубым небом и снежно-белыми облаками. В садах и палисадниках благоухали розы, душистый табак и флоксы. С большого московского рынка на Болоте кухарки приносили малину, помидоры, перец, виноград. Перед отъездом своим дядюшка Павел Дмитриевич обедал у Милютиных и, к радости детей, привез на десерт огромную дыню, оказавшуюся сладкой, нежной и ароматной. Чудная была дыня.

Более месяца продолжались торжества по Москве. Напоследок государь и государыня съездили поклониться к преподобному Сергию в лавру, а затем и уехали. Москва опять приутихла.

Глава 2. Воспитание и воспитатели

С восьми лет воспитание великого князя изменилось. Он был все тем же резвым, милым, ласковым и упрямым мальчуганом, но другими глазами смотрели на рослого мальчика, другим тоном к нему обращались, и от этого и сам он постепенно менялся.

Для понимания формировавшегося тогда характера и личности Александра отметим важную роль военного дела. Оно занимало большое место и в занятиях, и в повседневной жизни, и любимой игрой его долго еще оставались солдатики.

В России армия была общей гордостью, военное поприще – основным и наиболее достойным для дворянина. Военный элемент естественно входил в литературу и в искусство, в самый быт государства, но особенно столицы. Николай Павлович еженедельно проводил разводы гвардейских полков на площади близ Зимнего дворца; частыми были военные смотры, парады, а летом учения в Гатчине и Красном Селе.

Тут все притягивало Сашу: ровные парадные ряды зелено-красно-белых мундиров, холодное сверкание штыков, блеск касок и эполет; живые картинки боя, когда зеленые колонны распадалась, ружья наперевес, и над зеленым лугом повисало нестройное, но радостное и тревожащее сердце «Ура!»... а вот и конница! Он легко отличал по мундирам и по масти коней драгунов, кирасиров, кавалергардов матушки (Александра Федоровна была шефом кавалергардского полка) и своих любимых гусар... и как хотелось быть там, самому скакать, приказывать, кричать!.. Само олицетворение силы и славы государства было перед ним. Так считал отец, так стал думать и он.

За обучение великого князя взялись еще в июне 1824 года. Главным воспитателем был назначен генерал-лейтенант Павел Петрович Ушаков, для преподавания словесности и общего наблюдения за обучением по предложению Александры Федоровны – Василий Андреевич Жуковский; для военного воспитания сам Николай Павлович выбрал ротного командира из школы гвардейских подпрапорщиков капитана Карла Карловича Мердера. Этот воспитатель был строг, терпелив, добр, требователен, являя собою тип добросовестного служаки. Он сумел завоевать сердце Александра и за короткое время научил его многому. В восемь лет маленький великий князь умел командовать взводом grenадер и уверенно сидел в седле. Смелость и решительность, поощряемые Карлом Карловичем, сильно пригодились ему позднее.

Жуковский всей душой отдался порученному ему делу. Целью воспитания вообще и учения в особенности поэт провозгласил «образование для добродетели», особенно много сил прилагая для верного нравственного настроя будущего царя. Неоднократно и подробно обсуждая с Николаем Павловичем вопросы воспитания наследника, Жуковский повторял, что «его высочеству нужно быть не ученым, а просвещенным». Главной же наукой наследника русского престола поэт считал историю, «наставляющую опытами прошедшего или объясняющую настоящее и предсказывающую будущее».

– Итак, господа, мы продолжим наше повествование о жизни и деяниях великого Александра. Плутарх пишет, что честолюбие Александра не было слепым: он искал не всякую славу и искал ее не где попало. Но всякий раз когда отец его Филипп одерживал какую-нибудь славную победу, Александр мрачнел и говорил сверстникам: «Мальчишки, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого». Но как ошибался Александр!..

Василий Андреевич посмотрел на своих слушателей. Все они – и розовощекий наследник, и увалень Адлерберг, и нежный граф Иосиф Виельгорский, и старательный Саша Паткуль устали на него, увлеченные Плутарховым жизнеописанием. Признаться, и сам Жуковский был увлечен не менее своих юных слушателей.

Некий фессалиец привел Филиппу коня Буцефала. Никто из людей царских не смог сесть на него. Филипп рассердился и приказал увести коня. Но Александр сказал: «Это замечательный конь. Люди просто не могут укротить его по собственной трусости». – «Уж не хочешь ли ты сделать то, что не под силу старшим?» – воскликнул отец. Поднялся смех, но Александр подбежал к коню, твердой рукой схватил его за узду и повернул мордой к солнцу. Он успел заметить, что гордый конь пугается колеблющейся перед ним тени. Пробежав несколько шагов рядом, Александр легким прыжком вскочил на коня. Не нанося ему ударов и не дергая за узду, Александр дал волю коню, а когда увидел, что Буцефал успокоился и рвется вперед, сам стал понукать его громкими восклицаниями и ударами ноги. Филипп и свита его замерли в тревоге. Когда торжествующий Александр вернулся к ним верхом на Буцефале, все разразилось громкими криками восторга. «Ищи себе, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя мала!» – будто бы сказал тогда Филипп...

– Господин Жуковский, – вежливо перебил его Адлерберг. – Можно ли так понять, что Александр более велик, чем его отец?

«Конечно!» – хотел было сказать Василий Андреевич, но удержался. Поди пойми этого ленивца, с младенчества узнавшего коридоры Зимнего дворца, что у него на уме.

– Дело в том, господа, что величие государственного мужа с полной очевидностью бывает видно лишь потомкам. Современники пристрастны... Но продолжим. Александр с ранних лет своих был склонен к изучению наук и чтению книг. Список «Иллиады» он всегда держал под подушкой вместе с кинжалом. Достоинно внимания то, что после победы над Дарием Александру принесли шкатулку, сочтенную самым ценным из захваченных трофеев. Александр спросил своих друзей, какую ценность они посоветуют положить ему в эту шкатулку...

Жуковский сделал паузу и вопросительно посмотрел на ребят.

– Золото! – воскликнул Саша Паткуль.

– Драгоценности и золото, – неуверенно уточнил Виельгорский.

– Ключ от казны! – твердо сказал Адлерберг.

Наследник молчал и смотрел на него, открыв рот.

– Царь сказал, что будет хранить в драгоценной шкатулке «Иллиаду»! – торжествующе произнес Жуковский. – Так свидетельствуют многие лица, заслуживающие доверия...

Три раза в неделю Жуковский читал свои лекции наследнику и его соученикам. День их начинался в 6 утра. После молитвы шли на завтрак, а с 7 до 12 часов были классы.

Учителя преподавали следующие предметы: Г.П. Павский – Закон Божий, Ф.А. Жилль – французский язык, Альфрее – английский, В.А. Эртель – немецкий и польский языки, Э.Х. Коллинс – математику, А.Р. Рейнгольд – чистописание, А.И. Зауервейд – рисование, а другие еще гимнастику, токарное и слесарное дело. В 1829 году добавились новые предметы: всеобщую историю читал Ф.И. Липман, естественные науки – К.А. Триниус, с 1833 года русскую историю и статистику читал К.И. Арсеньев, грамматику и русскую словесность – П.А. Плетнев, артиллерию – Е.Х. Вессель, фортификацию – Х.Х. Христиани. Это было уже много позже. Пока же преподаватели давали наследнику основы наук, следуя главному правилу в обучении, утвержденному Жуковским: «Лучше мало, но хорошо, чем много, но худо».

После классов отправлялись на прогулку. В любимом Сашей Павловске бегали по аллеям, кружили по большому кольцу, а в Петергофе убегали на берег Финского залива бросать камешки, пока не звали на обед. Потом вновь прогулка, но уже не беготня, а чинное хождение, после которого дозволялись игры в мяч серсо. От пяти до семи вечера вновь занятия, чаще часы эти отводились Закону Божьему. Отец Павский намеревался внушить будущему государю «религию сердца», и план его занятий был полностью одобрен Жуковским. День заканчивался часом гимнастики, и больше всего мальчишки бывали рады, когда им позволяли идти в манеж. В восьмом часу бывал ужин. Вечер посвящался писанию дневника, что, по мысли Жуковского, должно было приучить Александра к анализу своих мыслей и поступков. Но великий князь тяготился писанием и заполнял страницы записной книжки в сафьяновом переплете только из любви к наставнику. В десять вечера ложились спать.

Если Василий Андреевич не был огорчен его поведением, полчаса до сна он отводил чтению сказок из «Тысячи и одной ночи», выбирая самые увлекательные. Сказки читались на французском языке. И право, странное это было сочетание: русский поэт читал наследнику русского престола арабские сказки в пересказе француза Галлана. А за окнами Павловского дворца широко раскинулись зеленые поляны, лучи заката освещали рощи лип и вязов, тихо текла речка Славянка.

Поэт – вот, казалось бы, его призвание, его всеобъемлющая характеристика. И верно, главное сказано этим, главное, но не все.

К делу придворного чтеца при императрице Марии Федоровне (равно и учителя русского языка у Александры Федоровны) Жуковский относился не слишком серьезно, видя в том

преимущественно отработку пожалованного пенсионера. То была скорее придворная должность, чем служба. Воспитание царского сына – дело иное.

Поэт-романтик воодушевился идеей воспитания просвещенного, гуманного, мудрого и справедливого правителя. Стоит вспомнить, что Жуковский, человек никак не военный, отслуживший всего два месяца в армии подростком, не умевший стрелять и фехтовать, в войну 1812 года записался в ополчение и проделал с ним поход, был при Бородинском сражении. Так что певец действительно был «во стане русских воинов».

Наконец, царский воспитатель был поистине чист душой, что можно было сказать о немногих при дворе. Редко о ком современники так тепло и нежно отзывались, как о Жуковском.

Сознавал ли поэт свои реальные возможности в душном дворцовом мирке? Вполне. Еще в 1815 году, после первого представления императрице Марии Федоровне, он писал в дневник: «В большом свете поэт, заморская обезьяна, *ventriloque* (чревовещатель) и тому подобные редкости стоят на одной доске, для каждой из них одинаковое, равно продолжительное и равно непостоянное внимание». Если для Мердера назначение к наследнику было почетной службой и немалым повышением, то для поэта оно означало как будто отход от единственно важного дела. Почему он не отказался? Думается, Василий Андреевич верно понял это служение, как исполнение воли Божией, как исполнение своего долга перед Богом и Отечеством.

«Жуковский, я думаю, погиб невозвратно для поэзии, – писал Дельвиг Пушкину. – Он учит великого князя Александра Николаевича русской грамоте и, не шутя говорю, все время посвящает на сочинение азбуки. Для каждой буквы рисует фигурку, а для складов картинку. Как обвинять его! Он исполнен великой идеи: образовать, может быть, царя. Польза и слава народа русского утешает несказанно сердце его».

«Жуковский сделался великим педагогом, – писал А.И. Тургенев Вяземскому. – Сколько прочел детских и учебных книг! Сколько написал планов и сам обдумал некоторые. Выучился географии, истории и даже арифметике. Шутки в сторону: он вложил свою душу даже в грамматику и свое небо перенес в систему мира, которую объясняет своему малютке. Он сделал из себя какого-то детского Аристотеля».

И еще одно обстоятельство проясняет его выбор. Поэт был одинок. Несчастливая любовь его к Маше Протасовой переполняла сердце горестной печалью, а хотелось радостного, светлого – детского.

«Я еще не слишком уверен в своей способности исполнять как должно свою обязанность, – писал Жуковский другу. – Знаю только, что детский мир – мой мир, и что в этом мире можно действовать с наслаждением, и что в нем можно найти полное счастье...» Мудрено ли, что мальчик искренне привязался к поэту, полюбил его и каждодневно ожидал его прихода.

Сторонние наблюдатели с некоторым удивлением отмечали заметную простоту обстановки, в которой рос наследник, отсутствие всякой пышности и придворного этикета, особенно по сравнению с положением при других европейских дворах.

По утрам ученики ходили здороваться с государем. Однажды тот спросил сына, знал ли он накануне урок. Услыша: «Не знал», – Николай Павлович нахмурился (а когда он делался строг, делал им выговоры за неудовлетворительные баллы и обещал наказать, их всех разбирал такой страх, что дрожь пробегала по телу).

– Не знал! – презрительно повторил царь и не поцеловал наследника.

– Но Паткуль тоже не знал! – в слезах воскликнул Саша.

Паткуль похолодел.

– А тебя спрашивают? – строго вымолвил Николай Павлович. – Изволь встать на колени!

После урока плачущий от страха и сочувствия к наследнику Саша Паткуль бросился искать Карла Карловича и упросил строгого Мердера обратиться к государю о прощении сына. Государь простил.

Показательно, что в ответ на просьбу французского посла маршала Мармона о позволении представиться наследнику, Николай I ответил: «Вы, значит, хотите вскружить ему голову. Я тронут Вашим желанием, Вы встретитесь с моими детьми, но церемониальное представление было бы непристойностью. Я хочу воспитать в моем сыне человека, прежде чем сделать из него государя».

Нет оснований не верить в искренность намерений императора, но самый этикет придворной жизни был тоже сильным воспитателем. В семь лет великий князь был назначен шефом лейб-гвардии Павловского полка и канцлером Александровского университета в Финляндии, в восемь – произведен в подпоручики, в девять – назначен атаманом всех казачьих войск и шефом донского атаманского полка. С восторгом облачаясь в новую красивую форму, мальчишка, конечно, играл, но игра эта уже становилась началом участия в государственной жизни.

В первом рескрипте, подписанном великим князем Александром Николаевичем и обращенном к атаману Уральского казачьего войска, говорится, что в детском возрасте великий князь не имел никакого права на отличие, пожалованное ему августейшим родителем единственно в ознаменование особого благоволения Его Величества ко всему казачьему сословию, но что он постарается показать себя достойным высокого звания атамана, когда настанет тому время, в надежде, что храбрые казаки помогут ему заслужить одобрение государя и России.

Саша очень любил родителей и скучал в разлуке с ними. В апреле 1828 года в ответ на объявление султаном «священной войны» против России, государь объявил войну Турции. Летом он отбыл в действующую армию, командуя которой поставил фельдмаршала П.Х. Витгенштейна, а начальником штаба был генерал П.Д. Киселев. В один из июньских дней из Молдавии в Петербург и Москву ушли письма, и вскоре в Павловске великий князь, а в сельце Титове Лихвинского уезда Калужской губернии Митя Милютин с одинаковым восторгом читали известия о Буланлыкском сражении. Русские солдаты показали там храбрость и стойкость. Когда толпы янычар набежали на холм, где стоял штаб главнокомандующего, генерал Киселев выхватил шпагу и сражался наравне с солдатами. Вечером государь позвал его в свою палатку, благодарил и пожаловал осыпанную бриллиантами шпагу с надписью «За храбрость».

Учение наследника шло довольно успешно, хотя для воспитателей виден был сложный характер мальчика. Он был нервной натурой: легко смеялся, еще легче плакал, часто шалил, ссорился с товарищами. В качестве главного недостатка ему указывали на отсутствие выдержки и энергии, частую вялость, апатию. Не раз он говорил, что «не желал бы родиться великим князем».

Воспитание отца и сына отличалось весьма заметно. «Я получил бедное образование», – вспоминал сам Николай Павлович. Преподаватели его и Михаила были люди ученые – Кукольник, Балугьянский, Шторх, но они не могли и не старались овладеть вниманием своих воспитанников, привить им любовь к знаниям. Так же неудачен был и выбор законоучителя. «Нас учили только креститься в известное время обедни да говорить наизусть разные молитвы, не заботясь о том, что делалось в нашей душе», – признал позднее Николай Павлович.

Большое значение имели главные наставники – генерал граф Матвей Иванович Ламсдорф и шесть других «кавалеров». «...Наши отношения к ним были более основаны на страхе или большей или меньшей смелости, – вспоминал он же. – Граф Ламсдорф умел вселить в нас одно чувство – страх, и такой страх и уверение в его могуществе, что лицо матушки было для нас второе в степени важности понятий. Сей порядок лишил нас совершенно щастия сыновьяго доверия к родительнице, к которой допускаемы мы были редко одни, и то никогда иначе,

как будто на приговор. Беспрестанная перемена окружающих лиц вселила в нас с младенчества привычку искать в них слабые стороны, дабы воспользоваться ими в смысле того, что по нашим желаниям нам нужно было, и должно признаться, что не без успеха... В учении я видел одно принуждение и учился без охоты. Меня часто, и я думаю, не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко граф Ламсдорф меня наказывал тростником весьма больно среди самих уроков...» Для своего первенца Николай Павлович постарался все сделать иначе.

Удивительно ли, что по характеру великий князь был схож скорее с матерью, мягок и добр. Сам Николай Павлович в детстве был необщителен, задумчив, очень застенчив, но совершенно преображался в игре. В военных играх он бывал неутомим и забывал обо всем на свете. После семи лет почти каждый день заканчивался ссорой его или дракой с Володей Адлербергом, Фитингофом или двумя братьями графами Завадовскими, братьями Ушаковыми и маленьким графом Апраксиным. Мальчишки при воспитателях терпели, а так не спускали. Как-то во время учений в Гатчине стреляли из пушек. Николай испугался и спрятался в алькове спальни. Володя Адлерберг нашел его там и стал стыдить. Маленький Николай понял насмешку во внешне почтительных словах уже большого, тринадцатилетнего Адлерберга. Не зная, как ответить, он ударил его по лбу прикладом игрушечного ружья с такой силой, что шрам до сей поры виднелся на лбу почтенного министра императорского двора. «Постоянно кончает тем, что причиняет боль себе или другим», – писали в дежурном журнале воспитатели о великом князе Николае. А Саша был жалостлив, он жалел и себя, и других.

Единственное, в чем походил на него сын, – в постоянном желании командовать в играх. Он также не умел и не хотел подчиняться.

Но, в общем, мальчик был вполне здоровый, любил покушать, любил играть со сверстниками, превосходно стрелял и плавал, катался на лодке, играл в мяч.

По воскресеньям к мальчишеской компании присоединялись юные граф Алеша Толстой и князь Саша Барятинский, добавлявшие много оживления. Устраивали борьбу, и, конечно, всех побеждал силач Алеша.

Памятливая А.О. Смирнова-Россет писала об одном таком дне, когда в Царском на зеленом лугу возилась, хохотала и кричала веселая орава, насакивая на Алешу Толстого, красного, как индийский петух, но крепко стоящего на ногах. Потный наследник в белой рубашке, более обыкновенного растрепанный Паткуль с оторванным воротником, вертлявый Адлерберг – всех Алеша поднимал и перебрасывал через плечо.

Он и подошедшему государю предложил помериться силой. «Да я больше тебя», – предупредил Николай Павлович. «Это все равно, – мотнул головой Алеша. – Я не боюсь. Я очень сильный». И с разбегу со всей силы наскочил на царя, но даже не пошатнул. Потом все вместе бросились на Николая Павловича, хватали его за полы сюртука, за ноги, стараясь, если уж не повалить, так согнуть его колени, но куда там. «Да не кричите так сильно, только запыхаетесь», – говорил им сверху царь. Бойцы попадали в траву, совсем обессилев.

Они много ездили с Жуковским по окрестностям Царского и Павловска. Подчас поэт с августейшим воспитанником заходили в избы, заглядывали в кузницу, осматривали поля и собирали букеты на лугу. Думается, то глубокое чувство патриотизма и личной ответственности за русскую землю со всеми ее лесами, полями, деревеньками и поместьями, зародилось у Александра тогда. И не у одного Александра.

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,

Средь некошенной травы
Головой качая?

Сознавая силу, но и мимолетность своего влияния на великого князя, Василий Андреевич не устал в толковать ему мысль о важности истории, прежде всего отечественной, подлинной сокровищницы царского просвещения: «...Она знакомит государя с нуждами его страны и его века... История, освещенная религиею, воспламеняет в нем любовь к великому, стремление к благотворной славе, уважение к человечеству дает ему высокое понятие о его сане. Из нее извлечет он правила деятельности царской: владейте не силой, а порядком; любите и распространяйте просвещение; помните, что из слепых рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из просвещенных подданных; любите свободу, то есть правосудие; будьте верны слову; окружайте себя достойными помощниками; уважайте народ свой...»

Жуковский признавал, что сильно забегают вперед, и столь важные сентенции его могут остаться непонятыми, и все же он не устал повторять их, рассчитывая, что не умом, так сердцем будущий государь воспримет столь важные правила: «Не обманывайся насчет людей и всего земного, но имей в душе идеал прекрасного; не упускай из глаз своей цели; подвигайся вперед не быстро, но постоянно; строй без спеха, но для веков; исправляй, не разрушая; не упреждай своего века, но и не отставай от него; не будь его рабом, но свободно с ним соглашайся...»

Не стоит переоценивать значение заветов Жуковского, но можно ли их не оценить? Всякий человек на земле призван делать свое дело. Какое счастье для Александра – а может быть, и для России – что Василий Андреевич Жуковский все знания свои, всю веру и жар сердца своего вкладывал в наследника престола. Труд его не был напрасен.

В январе 1829 года состоялась первая сдача годичного экзамена. Мальчик был самолюбив и очень хотел понравиться родителям. Экзамен он сдал блестяще, даже перевод из записок Юлия Цезаря прочитал бойко: «Войско Цезаря двигалось очень быстро и этому в значительной степени было обязано своими успехами. В авангарде шла обыкновенно конница...»

Николай Павлович оценил это. К латинскому языку он сам чувствовал «врожденную неохоту», усугублявшуюся планами матушки послать его в Лейпцигский университет. Решил, что и сына латынью больше мучить не следует.

После подведения общих итогов, однако, выяснилось, что за год учебы у Виельгорского было пять отличных недель, у великого князя две, у Саши Паткуля – одна.

В качестве поощрения отец взял его с собой в Берлин. Это было первым его путешествием и по России, которую позднее он изъездил изрядно. Знакомые русские пейзажи скоро сменились иными, и юный Александр гляделся через окошко кареты в земли Царства Польского, удивляясь бедности и невежеству крестьян, причем особенное сострадание, как писал позднее его биограф С.С. Татищев, в нем возбудило еврейское население. К тому времени Александр уже сносно говорил по-польски, что было с удовольствием воспринято польским дворянством.

В Варшаве предстояла еще одна коронация. В мае 1829 года в королевском замке, в зале Сената, Николай Павлович возложил на себя корону короля польского и, приняв в руки державу и скипетр, произнес присягу. Архиепископ Варшавский троекратно провозгласил «Слава», но депутаты воеводств, сенаторы и купцы, допущенные на церемонию, хранили молчание.

Польский вопрос был одним из труднейших для Николая I. Он презирал само понятие «конституция», но терпел польскую, даже гордился тем, что чтит закон, данный его братом Александром Павловичем. К сожалению, легкий на обещания брат незадолго до смерти высказывался за уступки полякам некоторых земель. Ту же линию гнул и брат Константин, заметно «ополонившийся», по мнению Николая.

«Я должен был бы перестать быть русским в своих собственных глазах, – заявил Николай Павлович брату, – если бы я вздумал верить, что возможно отделить Литву от России! Пока я существую, я никоим образом не допущу, чтобы идеи о присоединении Литвы к Польше были поощряемы. Это вещь неосуществимая и могущая повлечь для империи самые плачевные последствия».

При расставании братья были одинаково любезны.

Пребывание в Берлине в течение восьми дней оставило глубокий след в душе великого князя. Прежде всего Саша был поражен блестящим обществом принцев и принцесс, герцогов и князей, среди которых русские император и императрица, конечно же, занимали первое место.

Ему показали знаменитый дворец Сан-Суси и сады, где гулял Фридрих Великий. Александра Федоровна повела сына помолиться над гробницей своей матери, королевы Луизы, некогда влюбленной в покойного Александра Павловича. Мать внушала Саше любовь к немецким родственникам. Те в свою очередь окружили юного великого князя таким почтительным уважением, поклонением и многоречивой лестью, что мальчик всерьез уверился в том, что он существо прелестное, великое, необыкновенное.

Ему представили прусские полки, в том числе кирасирский имени императора Николая I. Дед, прусский король, назначил его шефом 3-го прусского уланского полка. Можно представить, как был рад Александр, как сиял от гордости и счастья, надевая новую форму. Он тут же поехал к деду благодарить, а потом отправился на смотр своего полка и там не ударил в грязь лицом. Нравилось ему военное дело.

По возвращении домой в июле 1829 года великий князь участвовал в лагерном сборе военно-учебных заведений столицы в Петергофе. Самое сильное впечатление на юных кадетов произвело учение под руководством самого Николая I. После обеда государь повел кадетов к Большому каскаду. По его сигналу все они с криком «Ура!» кинулись вверх по уступам быющих фонтанов к находившемуся на верху террасы гроту. Там императрица раздавала призы. Кадеты были премокрые, но и на императоре не было сухой нитки. Великий князь барахтался в воде, как и все, и наверху был одним из первых.

Ему редко случалось быть одному. Слуги, воспитатели, назначенные товарищи постоянно были рядом, а еще родители, братья и сестры – все любили его и были преисполнены такого предупредительного внимания, что больше, казалось бы, и желать нельзя. А он в дневник записал слова Василия Андреевича: «Любовь, которую не сравню с дружбою, любовь, страсть сильная, пламенная – должна неоспоримо уступить ей. Дружба не боится ни злобы, ни предрассудков. Никакая сила не может разъединить сердец, соединенных самой природой, ни море шумящее, ни степи непроходимые, ни гонения судьбы...» О таком мечталось Саше.

В начале 1833 года отец назначил командующим сухопутными силами России, выделенными для помощи Турции, генерала Павла Киселева. Николай Павлович за вечерним чаем рассказывал матушке, что на вопрос Нессельроде, кого он пожелает назначить послом в Константинополь, он ответил: «Кого ж еще – Алексея Орлова. Я знаю их дружбу с Киселевым, грех разлучать. Орест и Пилад вместе могут делать только добрые дела».

«Кто станет его Пиладом на долгом жизненном пути? – гадал Саша. – Паткуль? Виельгорский? Адлерберг?...»

В дневник он переписал стихотворение Василия Андреевича:

Скатившись с горной высоты.
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый.
О Дружба, это ты!

В эти годы в тихой Москве также старательно учились будущие сподвижники Александра Николаевича. Дима Милютин после занятий с домашними учителями в 1828 году поступил в третий класс Московской губернской гимназии. Постановка обучения стояла там не слишком высоко, мальчик попросту скучал в компании шалунов. Алексей Михайлович по настоянию жены перевел старшего сына спустя год в Московский университетский пансион. Заодно он определил туда и младших – Николая и Владимира.

Незаурядные способности Дмитрия проявились в пансионе сразу. В 14 лет он пишет первые свои печатные труды, причем не стихи, как большинство сверстников, а научные работы: «Опыт литературного словаря», «Руководство к съемке планов с применением математики». Они были изданы в 1831 году для удовольствия автора и Елизаветы Дмитриевны.

Три брата Милютиных стали в пансионе центром умственной деятельности. Дмитрий и Николай возглавили ученический литературный кружок, затеяли издание рукописного журнала «Улей». Успехи в учебе они показывали отменные. В 1832 году Дмитрий окончил пансион с серебряной медалью. Ему исполнилось шестнадцать лет. Надо было определять место приложения своих сил для служения Отечеству, и он долго раздумывал.

Великий князь Александр Николаевич рос, и постепенно пришло охлаждение в его отношениях с добрейшим Василием Андреевичем. Тот был по-прежнему любим и уважаем, но вдруг стали видны смешные стороны старого наставника: сентиментальность, боязливость. Подростку дороги были воспоминания о долгих прогулках по окрестностям Павловска, о теплых вечерах с увлекательными сказками, но то было детство.

Жуковский видел это и не мог не печалиться. У того же Плутарха он читал: «Александр сначала восхищался Аристотелем и, по его собственным словам любил учителя не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно. Впоследствии... стал относиться к Аристотелю с подозрительностью, впрочем, не настолько большою, чтобы причинить ему какой-либо вред...» Сознание того, что человеческая природа одинакова в своих проявлениях, что при грехах, что нынче, утешало, но слабо.

Поставя себе задачей входить во все дела государства, Николай Павлович интересовался учебными заведениями. В апреле 1833 года он посетил Первую гимназию и выразил неудовольствие. Во время урока Закона Божия один ученик, лучший, как поспешили доложить, по поведению и успехам, слушал объяснения учителя со вниманием, но – облокотясь. Священнику был сделан выговор, на который он почтительно отвечал:

– Государь, я обращаю внимание более на то, как они слушают мои наставления, нежели на то, как они сидят.

Император смолчал, не в силах уразуметь такое пренебрежение формой. Малозначимое это происшествие спустя два года аукнулось в Зимнем дворце. Законоучитель наследника отец Герасим Павский, доктор богословия и знаток древних языков, преподававший также в университете, был разоблачен Святейшим Синодом как будто бы допускавший отступления от канонов православия. Без лишнего шума во дворце и университете его заменили молодым священником Василием Борисовичем Бажановым, ставшим духовником царской семьи.

Удивительным образом сочетались в Николае мелочность и высокомерие с умом и чутьем на талант. Ведь взял он в учителя Александру профессора Константина Ивановича Арсеньева, при покойном брате привлекавшегося по делу о «неблагонадежных профессорах» Петербургского университета и уволенного попечителем. Большого наказания Арсеньев избежал благодаря заступничеству Николая Павловича. Арсеньев преподавал историю и статистику далеко не в духе официальной доктрины министра С.С. Уварова. Позднее он вспоминал, с каким участием его царственный ученик «скорбел о разных преградах к свободному развитию новой, лучшей жизни для народа». Вернее было бы объяснить сочувственную скорбь наследника его мягким сердцем, нежели пониманием подлинного положения дел.

Великого князя манили парады, смотры, учения. С грустью замечал Жуковский, что его воспитанника больше занимают мундиры, чем книги. Могло ли быть иначе?

В те годы Россия победно закончила две войны – с Персией и Турцией. Было подавлено польское восстание. Вот эти образцы военной удали, победной доблести, смелости и отваги жадно впитывал подросток. Удаль и отвага были в мундире. Василий Андреевич – без мундира. Так на всю жизнь, сам того не сознавая, Александр сделал выбор. И все же благотворное влияние Жуковского не могло пропасть вовсе.

Сам поэт выступал ходатаем за многих. Он просил перевести Батюшкова, вернуть из ссылки Пушкина, простить Николая Тургенева и еще многих. Прослышав о написанном, но не поданном письме с предложением амнистии участникам декабрьского мятежа, царь призвал к себе Жуковского и выдал ему, по выражению поэта, головомойку, «в которой мне нельзя было поместить почти ни одного слова». Царь упрекал его в тесных связях с людьми беспорядочными и даже осужденными за преступления.

– ...А ведь ты при моем сыне! Иди и не затевай больше разговора об том!

Этот и другие ручейки милосердия в царском дворце смягчали сердце Александра Николаевича, хотя кто мог с уверенностью сказать это? В юном великом князе соседствовали грубость и светский лоск, доброта и лень, жаркая привязанность к близким и непомерное самолюбие.

Воинское и гуманитарное начала, представленные Мердером и Жуковским, все-таки не сплавились, а розно существовали в нем, и первое главенствовало. Смутное осознание в себе противоречивых, подчас противоположных чувств и желаний, породило скрытность. В качестве девиза Александр в двенадцать лет избрал себе такой: «Постоянство, деятельность и надежда», и в этом вроде бы случайном наборе понятий вновь проглянула судьба.

А пока он рос при постоянном контроле отца. По требованию Николая Павловича ему назвали главные недостатки сына: надменность, неподатливость при исполнении приказаний и страсть спорить, доказывая свою правоту. Отметили все возраставшее равнодушие Александра к занятиям. Сам император заметил с неудовольствием у сына интерес к «военным мелочам, смотрам да парадом», а не к военному делу. Сделанное тогда отеческое внушение возымело действие, но, в общем, характер Александра уже сформировался.

На ежегодном экзамене на вопрос законоучителя, должно ли прощать обиды, нам причиненные, Александр отвечал: «Должно, несомненно, прощать обиды, делаемые нам лично, но обиды, нанесенные законам народным, должны быть судимы законами; существующий закон не должен делать исключения ни для кого». Ответ примечателен, ибо искренен.

Николай Павлович помнил свой бедный опыт к началу царствования: ведь брат даже не ввел его в Государственный Совет. Сыну он решил дать всестороннюю подготовку. В 1831 году он затеял писать «Записки», главным образом для оправдания своих действий в декабре 1825 года.

Чрезвычайно мелким, но разборчивым почерком на французском языке он заполнил две тетради. «Я пишу не для света – пишу для детей своих; желаю, чтобы до них дошло в настоящем виде то, чему я был свидетель... Буду говорить, как сам видел, чувствовал, от чистого сердца, от прямой души: иного языка не знаю». Незаметно увлекшись воспоминаниями, он ярко описал свое детство и юность, наполненную пустыми делами. От этого он стремился уберечь Александра.

«До 1818-го года не был я занят ничем; все мое знакомство с светом ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате, где, подобно бирже, собирались ежедневно в 10 часов все генерал-адъютанты, флигель-адъютанты, гвардейские и приезжие генералы и другие знатные лица, имевшие допуск к государю. В сем шумном собрании проходили мы час, иногда и более, доколь не призывался к государю генерал-губернатор с комендантом и вслед за ним все генерал-адъютанты и адъютанты с рапортами и мы с ними,

и представлялись фельдфебели и вестовые. От нечего делать вошло в привычку, что в сем собрании делались дела по гвардии, но большею частью время проходило в шутках и насмешках начет ближнего; бывали и интриги. В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя ни начальников, ни правительство. Долго я видел и не понимал; сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял; многих узнал – и в редком обманулся. Время сие было потерей временно, но и драгоценной практикой для познания людей и лиц, и я сим воспользовался».

Частью государственной жизни было включение великого князя в систему власти. В августе 1831 года (после смерти великого князя Константина Павловича) он был провозглашен наследником-цесаревичем, 22 апреля 1834 года принес присягу в качестве наследника престола.

Георгиевский зал был переполнен, мужчины в парадных мундирах, дамы в придворных нарядах. Перед троном был поставлен аналой, на котором лежало Евангелие. Рядом стоял солдат-преображенец с государственным знаменем.

Пушкин записал в тот день в дневнике: «Это было вместе торжество государственное и семейное, великий князь был чрезвычайно тронут. Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться – и залился слезами. Государь и государыня плакали также. Наследник, прочитав молитву, кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи и в щеки – и потом подвел сына к императрице. Все трое обнялись в слезах... Все были в восхищении от необыкновенного зрелища – многие плакали; а кто не плакал, тот отирал сухие глаза, силясь выжать несколько слез...» Сам поэт, однако, не поехал в Зимний дворец с поздравлениями: «Царство его впереди, и мне, вероятно, его не видать».

Тот апрель был месяцем не только радостных слез. В Петербург пришло из Рима известие о смерти Карла Карловича Мердера. От великого князя таили печальную новость, чтобы не омрачить ему радости, и сказали 28 апреля, после бала, данного в его честь столичным дворянством.

Сентиментальность естественно сочеталась у Николая Павловича с неукоснительным следованием порядку. Десять дней спустя после трогательной церемонии он посадил наследника под арест на дворцовую гауптвахту за то, что тот на параде проскакал галопом вместо рыси. Об этом, как и обо всех дворцовых новостях, тут же стало известно в Петербурге. Государь считал, что такой строгостью он заставит всех уважать порядок, но общество тихо недоумевало и покорно молчало. Урок был воспринят только наследником: не ошибаться даже в мелочах!

В шестнадцать лет началась новая жизнь, детство кончилось. Жуковскому была пожалована пожизненная пенсия в 3 тысячи рублей. Тогда же сам Александр препроводил московскому и петербургскому генерал-губернаторам по 5 тысяч рублей, прося разделить эти деньги между наиболее нуждающимися жителями столиц. Трудно не увидеть в этом благородном порыве юноши влияния его наставника.

Младших великих князей тоже учили. Адмирал Федор Петрович Литке, моряк с головы до ног, занялся обучением Кости. В отличие от старшего брата этот был натурой нервной, пылкой и открыто впечатлительной, был неутомимо любознателен. Литке учил его физике, гидрографии, всем подробностям морского дела в теории и на практике. Благодаря этому восьмилетний Костя, получивший чин мичмана, успешно командовал военным бригам. Николай Павлович вполне одобрял такую направленность учебы, и все остальные науки оказались отодвинуты на второй план. К царской доле готовился старший.

К этому времени определились и пути братьев Милютиных. Семнадцатилетнего Дмитрия отец отвозит в Петербург и определяет на военную службу – фейерверкером во вторую батарею роту 1-й гвардейской артиллерийской бригады. По окончании установленного шести-

месячного срока, сдав экзамены, Милютин в ноябре 1833 года был произведен в офицеры и оставлен на службе в той же бригаде.

Став офицером, он не оставляет пера. В конце 1833 года пишет обширную критическую статью с разбором вышедших в том году курсов физики Д.М. Перевошикова и М.Г. Павлова. Примечателен конец рецензии семнадцатилетнего офицера: «Фальшивое правило приняли те, кои думают, что по бедности нашей отечественной литературы должно довольствоваться и малым и одною лептою, приносимою в урну просвещения, должно хвалить и те книги, кои в нашем бедном тесном кругу на нашу монету приобрели себе первое место. – Нет... от русской нововыходящей ученой и учебной книги мы требуем соперничества со всеми уже известными ее сверстниками не только соотечественными, но и иностранными».

Немудрено, что строевая служба не могла удовлетворить такого офицера, и в конце 1835 года он поступает в практический класс Военной академии, минуя первый класс – теоретический. Блестяще окончив на следующий год академию, Милютин был причислен к Генеральному штабу с назначением в Гвардейский генеральный штаб, т. е. штаб гвардейского корпуса. Больше, кажется, и желать было нечего. Елизавета Дмитриевна была счастлива.

Брат Николай в том же 1835 году также переехал в столицу и поступил на службу в министерство внутренних дел. Он ближе Дмитрия сошелся с дядей Павлом Дмитриевичем, вероятно по сходству характеров, и руководствовался его советами в служебной деятельности. Впрочем, и советы, и родственная протекция стали лишь дополнением к проявлениям его исключительно даровитой и энергичной натуры. Он терпеливо усваивал уроки суровой бюрократической школы, ожидая случая проявить себя в большом деле.

Юного наследника престола уже прямо начинали готовить к делам государственного управления. Обзор истории внешней политики ему читал Ф.И. Бруннов, курс о финансах – министр Е.Ф. Канкрин. С октября 1835 года начались лекции Сперанского, названные автором «Беседы о законах». Трудно переоценить эти занятия. Подобно Мердери и Жуковскому, Сперанского следует причислить к основным воспитателям наследника, ибо он заложил в его сознание основы государственности, каковые были и должны были быть на российской земле.

«Слово неограниченность власти, – утверждал Сперанский, – означает то, что никакая другая власть на земле, власть правильная и законная, ни вне, ни внутри империи, не может положить пределов верховной власти российского самодержца. Но пределы власти, им самим поставленные, извне государственными договорами, внутри словом императорским, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а следовательно, и право самодержавное, потому есть право, поскольку оно основано на правде. Там, где кончается правда и где начинается неправда, кончится право и начнется самовластие. Ни в каком случае самодержец не подлежит суду человеческого, но во всех случаях он подлежит, однако же, суду совести и суду Божию».

Стоит ли говорить, что главным воспитателем оставался отец.

Раз Арсеньев вел очередной урок статистики и читал о народах, из которых составлена Россия. Император зашел в залу, хотел было выйти, но, услышав разъяснения преподавателя, остановился.

– ...поляки, литовцы, прибалтийские немцы, финляндцы и другие племена по вере, языку, историческим преданиям, характеру и обычаям совершенно различествуют друг от друга и от русского народа, – четко излагал Арсеньев. – Но все эти народы под мудрым правлением наших государей так связаны между собой, что составляют одно целое.

– А чем все это держится? – спросил Николай Павлович, шагнув к ним. Спросил привычно громко и внушительно, но губы кривила улыбка. Государь был в хорошем настроении.

– Самодержавием и законами, – заученно ответил наследник.

– Законами? Нет, – веско отвечал Николай Павлович. – Самодержавием – и вот чем, вот чем, вот чем! – сильно махая сжатым кулаком при каждом повторении этих слов. Бросил еще взгляд на замерших учителя и ученика и вышел.

Глава 3. Зимний дворец

Зимний дворец, увиденный впервые, поражает своим великолепием. В нем слиты громадность объемов, красота формы и та естественность, полная вписанность в окружающую обстановку, которые присущи подлинно великим творениям. С декабря 1825 года дворец стал местом жительства Николая Павловича и его семьи. Им там нравилось, хотя поначалу Александра Федоровна жалела об уюте Аничкова дворца.

Стоявший неподалеку Мраморный дворец оставался в распоряжении великого князя Константина Павловича, но большей частью пустовал. Михаил Павлович в том же 1825 году построил себе Михайловский дворец, вызвавший общее восхищение. Все, правда, понимали, что подлинной вдохновительницей поразительной по гармонии постройки Карла Росси была великая княгиня Елена Павловна.

То были разные миры в рамках одной императорской фамилии Романовых. Дороже и ближе всех взрослому наследнику был мир отца и матери.

После рокового декабря и от частых родов матушка часто болела. Она закрывалась в спальне с верной баронессой Фредерикс, пруссачкой, подругой детских лет, а молодые фрейлины сменяли одна другую на дежурстве. Дети посещали ее по утрам и перед сном. Николай Павлович в такие дни заходил часто, проверял, как готовит сиделка питье, вовремя ли подает, а то и сам проводил ночи у ее постели (в этом нет ничего удивительного, позднее он так же часы проводил у больного графа А.Х. Бенкендорфа).

Чуть только лейб-медик Н.Ф. Аренд объявлял, что дело идет на поправку, с тем же пылом и настойчивостью Николай Павлович увлекал жену в вихрь приемов, смотров, поездок, прогулок, балов. Александра Федоровна, право, любила все это.

Она, а не государь, соединяла большую семью, неосознанно следуя примеру свекрови. Ежедневно ко времени утреннего кофе между девятью и десятью часами по коридорам Зимнего к ней спешили дети, большие и малые с воспитателями и воспитательницами: Саша, Мария, Ольга, Александра, малыш Костя и совсем маленькие Коля и Миша. Рассаживались в маленькой угловой столовой. Посторонних не было, и потому не пыжились, говорили свободно, шутили, жаловались и обижались.

Николай Павлович почти всегда посещал эти утренние собрания. День его начинался рано. В девятом часу, после гулянья, пил кофе, а в десятом его твердый шаг слышался в покоях царицы. Оттуда он шел заниматься делами. В первом часу вновь навещал ее, играл с детьми, после чего гулял. В четвертом часу кушал, в шесть вновь гулял, в семь пил чай с семьей. Одет бывал попросту – в сюртуке без эполет.

«Боже, какой у вас утомленный вид!» – восклицала Александра Федоровна. «Страшно много дел», – отвечал он. После чая еще два часа отводилось на занятия, в десятом часу ужинал, вновь гулял и около полуночи ложился почивать. Из распорядка дня императора видно, что семье он отводил немало времени, но и гулянья тоже.

Царь любил музыку, имел необыкновенную музыкальную память и верный слух. В домашних концертах играл на трубе (корнете-а-пистон). Для полноты портрета добавим, что он всю жизнь был страстным поклонником театра и в молодые годы сам играл во французских комедиях на половине великой княгини Анны Павловны.

В воспоминаниях мануфактур-советника Рыбникова описывается обед, данный государем группе московских купцов в Зимнем дворце 13 мая 1833 года. Выведя к гостям шестилетнего сына Костю и взяв его за головушку, император сказал ему: «Кланяйся, кланяйся ниже!

Ну, а теперь – ты ведь адмирал – полезай на мачту!» – и маленький адмирал российского флота полез на высокого и стройного отца и уселся у него на плече. «Ну, видите! – весело сказал государь собравшимся. – Адмирал у меня исправный!»

Саша был уверен, что отец ничего не боится. Осенью 1830 года страшная холера-морбус пришла в Россию из Бухары и Хивы через Оренбург. Эпидемия охватила все центральные губернии, Москву, а на следующий год вспыхнула в Петербурге. Число умерших доходило до шестисот за день. Умерли цесаревич Константин и фельдмаршал Дибич, сотни и тысячи знатных и незнатных людей. В церквях молились о спасении земли русской, но простой народ охотнее посещал кабаки. Люди образованные опрыскивали дома свои хлором, запасались дегтем и уксусом. Начальство призывало к порядку и обдумывало мероприятия по борьбе с холерой. Главное средство видели в установлении карантинных.

Осенью 1830 года Николай Павлович съездил в зараженную Москву и посетил холерные бараки. На обратном пути, чтобы показать свое уважение к правилам, он одиннадцать дней просидел в карантине в компании графа Бенкендорфа.

В июне 1831 года мрачные дроги с жертвами болезни бесконечной чередой потянулись по улицам столицы. Страх был велик. Простой народ чувствовал себя брошенным и беззащитным перед безжалостной и невидимой угрозой. Прошел слух, что сами лекари губят людей, что зловредные очкастые немцы нарочно распускают заразу. Этому сразу верилось. Одни кричали, другие охали, а третьи поймали двоих в очках и прибили. Стали громить госпитали.

22 июня на Сенной площади собралась пятидесятитысячная толпа. Назревал бунт. Узнав об этом, император устремился из Царского Села, где укрывалась семья, в Петербург. Отмахнувшись от предостережений адъютантов, он смело пошел в середину возмущенной толпы. Высокая фигура его казалась еще выше в море серых, синих, коричневых кафтанов, невольно пригивавшихся.

– Что вы это делаете, дураки? С чего вы взяли, что вас отравляют? Это кара Божия! – вскричал император. – На колени, глупцы! Молитесь Богу! Я вас!..

И огромная коленопреклоненная толпа с обнаженными головами покорилась успокоительной ругани государя.

От разных людей с прибавлением несовпадающих подробностей слышал Саша эту историю. Как было не восхищаться отцом!

О, это был могучий воспитатель – Зимний дворец. От юного наследника скрывали многое, но все скрыть было невозможно. Саша мучился, сознавая, что чистый и ясный мир Василия Андреевича все более тускнеет и отходит вдаль, теснимый миром дворца, в котором все было внешне прилично, а внутри добро и зло безнадежно перепутались.

Он по-прежнему любил отца. Но как-то вдруг пропало то почтительное уважение перед государем императором, которое он ощутил в давнюю декабрьскую ночь. Он вроде бы ничего особенного и не узнал, но там – слово-другое, там – лукавые улыбки, где-то злобно-завистливый взгляд и внешнее равнодушие матери, и он догадался, что любимый батюшка вовсе не верен матери.

Юный Саша не мог знать всего, но он многое чувствовал. Слстолюбие Николая Павловича до поры до времени оскорбляло его мальчишеское целомудрие. Он презирал мадемуазель Вареньку Нелидову и всех матушкиных фрейлин, миловидных, кокетливых, самоуверенных, вкрадчиво-любезных с ним и открыто влюбленных в отца, одна – так просто при каждом появлении Николая Павловича падала в обморок. «Они – куклы», – говорил он себе. Но какие прелестные куклы... Он отворачивался, когда случалось проходить мимо лестницы, ведущей во фрейлинский коридор, обращенный на Александровскую площадь. Но запомнилось, что в лестнице той 80 ступенек. Для него это было запретное место.

В столице похождения государя были одной из любимых тем. Публика заинтересованно обсуждала избранниц, полагая сие законным правом царским. Тем большее удивление вызвало известие о стойкости какой-то актриски Александрийского театра Варвары Анненковой. Отказать государю, служа в императорском театре, казалось делом непостижимым. Публика ее не осудила, но и не одобрила.

С изумлением и разочарованием записывал в дневник двадцатилетний Александр Васильевич Никитенко, недавний крепостной, а ныне преподаватель университета, один из летописцев николаевской и александровской эпох, свое впечатление о высшем свете: это «сущие автоматы. Кажется, будто у них совсем нет души. Они живут, мыслят и чувствуют, не сносясь ни с сердцем, ни с умом, ни с долгом, налагаемым на них званием человека. Вся жизнь их укладывается в рамки светского приличия. Главное правило у них: не быть смешным. А не быть смешным, значит, рабски следовать моде в словах, суждениях, действиях так же точно, как и в покрое платья... И под всем этим таятся самые грубые страсти».

Светское общество усиленно занималось сплетнями. Женщины следовали последней французской моде, по которой прическа представляла собою нечто вроде перевернутой вазы: уложенная на затылке коса и локоны (большей частью из чужих волос), прикрывающие уши. Талию сильно стягивали корсетом, что было вредно для здоровья, но кто бы осмелился появиться иначе на людях. Сильно занимали умы награды и продвижения по службе, вот уже несколько лет как не шло из угов щедрое пожалование генералу Паскевичу – миллион рублей и титул графа Эриванского.

На новогодней елке для своих в Зимнем дворце устроили лотерею. В Георгиевском зале на большом столе были выставлены фарфоровые и хрустальные изделия императорских заводов. Под каждым чайным или кофейным сервизом, вазой или зеркалом лежал билетик с номером. Такие же билетики государь всем раздавал при входе. Стоя у стола, он вынимал из-под вещей билетик и выкликал номер. Выигравшие подходили и получали приз. Собственно, проигравших не было.

Каждый год 1 января дворец открывался для всех желающих, то был «бал с народом». Полиция регулировала вход, впуская не более сорока тысяч человек. Но все, сильно желавшие увидеть государя, имели такую возможность. Под руку с императрицей он обходил залы, раскланиваясь на обе стороны и беспрестанно повторяя: «Позвольте пройти», – и толпа расступалась.

В Гербовый зал, где вдовствующая императрица играла в карты с министрами, мужиков пускали по десятку человек, и они бочком проходили, шарахаясь от многочисленных зеркал и высокомерных лакеев. Правда, с удовольствием получали от лакеев чашки с чаем, в который те сами накладывали сахар и размешивали. Ложечки народу на всякий случай не давали. Кстати сказать, фрейлины, статс-дамы и камер-фрау надевали на этот вечер фальшивые драгоценности, поэтому в их кругу бал имел название «бал фальшивых камней».

Много толков вызвал новый балет «Бунт в серале», в котором будто бы сам государь ставил один танец. В чиновном мире большое волнение вызвало постановление об отмене ежегодных денежных наград, служивших важным дополнением к невеликому чиновничьему жалованью. Пушкин выпустил вторым изданием «Повести Белкина», а Крылов опубликовал три новые басни, довольно слабые, но принесшие ему 500 рублей, необходимые для покупки кареты. Митрополит Филарет оскорбился на Пушкина за стих в «Онегине», где он, описывая Москву, говорит: «и стая галок на крестах». Митрополит пожаловался начальнику III Отделения С.Е.И.В. канцелярии графу А.Х. Бенкендорфу на оскорбление святыни. Призванный к ответу цензор отвечал, что «галки, сколько ему известно, действительно садятся на крестах московских церквей, но виноват в том московский полицмейстер, допускающий это, а не поэт

и цензор». Бенкендорф учтиво ответил московскому митрополиту, что такое дело слишком незначительно для участия столь высокой духовной особы.

В ясный мартовский день 1836 года двое великих князей гуляли на Дворцовой набережной. Михаилу Николаевичу было четыре года, братцу Николаю Николаевичу – пять. Побегав и накидавшись вволю снежками, которые на диво хорошо лепились из влажного синего снега, царские детки собрались домой, но увидели, как с другого берега Невы на лед соскочил высокий красивый кучер в черном полушубке и сдвинутой на затылок барашковой шапке. Только дошел он до середины реки, как лед проломился с громким хрустом. Хлюпнула вода, и прильнувшие к парапету люди увидели, как исчез в полынье черный полушубок. Охнули все, но тут мужик без шапки показался у края полыни. Он пытался и не мог вылезти. Великие князья уговорили каких-то мужиков, боявшихся отойти от своих саней, спасти утопающего. Вскоро-сти мокрый и дрожащий от холода он очутился на набережной. Тут же подступилась к нему полиция: а знал ли о запрете ходить по Неве? а не посидеть ли тебе, милый человек, на съезжей? Михаил и Николай попробовали прикрикнуть на полицейских, но те не слушали. Едва-едва их лакеи заставили полицейских отступить. Парня отпустили, он упал в ноги своим маленьким избавителям.

В апреле 1836 года много шума вызвала комедия Гоголя «Ревизор». Не все знали, что за выпуск ее хлопотали Жуковский и граф Виельгорский. Последний читал комедию в Зимнем дворце. Читал прекрасно. Рассказы Добчинского и Бобчинского весьма насмешили государя и решили судьбу гоголевского творения.

Комедию давали беспрестанно, почти через день. Передавали, что Николай Павлович на первом представлении хлопал и много смеялся. На третьем представлении была императрица с наследником и великими княжнами. Государь даже велел министрам ехать смотреть «Ревизора». Он сказал якобы: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне – более всех!» Министр финансов Е.Ф. Канкрин добросовестно отсидел час в креслах и сказал только: «Стоило ли ехать смотреть эту глупую фарсу?»

Вскоре после того великий князь случайно услышал, как самая насмешливая из матушкиных фрейлин, Россет, обозвала его Бобчинским за будто бы косолапую походку бочком. Он уже научился не обижаться. Дал себе урок: выучиться ходить, как батюшка, величественно и грозно.

С походкой не очень ладилось, он все спешил. Вот в танцах, по отзыву верного Паткуля, слышавшего не от одной дамы, «никто так ловко и красиво не танцевал, как наследник». Саша поверил, что это не выдумка, не лесть, и был страшно доволен.

29 января 1837 года наследнику передали записку. Волнуясь, он прочитал: «Пушкина нет на свете. В два часа и три четверти пополудни он кончил жизнь тихо, без страдания, точно угаснул. Жуковский».

К Пушкину отношение в царской семье было разное. Матушка его любила за остроумие, за талант, читала, но больше привечала его красавицу жену. Батюшка высоко чтит как поэта, но считал пагубными его либеральные увлечения. Младшие братья и сестры заучивали его стихи и сказки, постоянно слышали о нем от Жуковского и Плетнева, и для них Пушкин был личностью необыкновенной.

Александр не раз видел Пушкина на дворцовых балах, и поначалу никак не мог поверить, что маленький высокомерный и любезный живчик есть автор Руслана, Полтавы, Онегина. В то же время поэт казался ему очень чуждым, лишенным той светской легкости, которая была во всех сочинителях – графе Соллогубе, том же Василии Андреевиче.

Историю с анонимными письмами и последующую несчастную дуэль обсуждали не раз за вечерними чаепитиями. Матушка держала сторону Дантеса, которому давно покровительствовала, он был в ее кавалергардском полку. Некоторые фрейлины в угоду ей открыто смеялись над «страшным уродом», бешено и беспричинно ревновавшим свою ангельской красоты

жену. Батюшка видел во всем прежде всего дело чести. Он приказал Бенкендорфу разыскать авторов оскорбительных анонимных писем, но и не одобрил Пушкина за резкость.

Записку Жуковского он спрятал в письменный стол. Накинул шинель и, выйдя из Салтыковского подъезда, отправился на набережную Мойки. Подняв воротник, чтобы не быть узнанным, он прошел мимо дома, где умер поэт, мимо молчащей толпы. Тихо похрустывал снег под ногами. Александр встал было за каким-то господином в хвост желающих поклониться покойному, но вдруг, испугавшись чего-то, ушел.

Знаменательным пророчеством царствованию Николая Павловича стал пожар в Зимнем дворце 17 декабря 1837 года.

Огонь показался в шесть вечера в аптеке, но его притушили. От государя это скрыли, и он с женой, братом, с детьми Сашей и Марией поехал смотреть новую постановку балета «Баядерка» с несравненной Тальони.

Великие княжны Ольга и Александра играли в карты в маленькой гостиной. Часу в девятом вечера двенадцатилетняя Александра случайно глянула в окно и увидела, что на двор вырываются языки пламени.

– Мы горим! – закричала девочка.

– Это ничего, ваше высочество, – успокоительно сказал призванный камердинер. – Это, извольте знать, из трубы выкинуло. Не тревожьтесь.

И великие княжны спокойно легли спать.

Под их покоем в кардегардии заступивший в караул поручик Мирбах вечером также забеспокоился.

– Что за дым? – спросил он.

– Даст Бог, ничего, – отвечал старик лакей. – Два дня, как лопнула труба у печки. Мы, стало быть, заткнули мочалкою и замазали глиной. Раз уж загоралось, да мы потушили. Ничего...

Всерьез забеспокоились во дворце, когда дым повалил неизвестно откуда густыми серыми клубами. Дежурный ординарец был послан в театр с донесением о дыме и заверением, что ничего страшного нет.

Но какой уж тут балет! Николай Павлович с Александром направился домой и с полпути просил брата Михаила встретить императрицу и просить ее ехать в Аничков.

Взбежав по парадной лестнице, император обнаружил растерянных донельзя придворных, испуганных фрейлин и решительных гвардейцев, не знавших, что делать.

Совещались в Фельдмаршальском зале. Граф Бенкендорф указывал, что дым идет с чердака. Туда отправился верный Адлерберг с солдатами, но вскоре принужден был вернуться – уже на лестнице дым был столь густ и тяжел, что невозможно было дышать.

– Окна! – звонким тенорком скомандовал государь. – Разбить окна!

Расчет был на то, что порыв воздуха продует залы, вышло же иное. Источник пожара, получив такое усиление, разошелся вовсю, и вскоре страшные, высокие языки пламени поползли по стенам. Дым, однако же, уменьшился.

Государь, как был в Преображенском мундире с забытым биноклем в руке, прошел через горящие Фельдмаршальский, Петровский, Белый залы. Достигнув покоев, не затронутых пожаром, он велел вызванным преображенцам и павловцам выносить мебель и вещи и складывать во дворе. Адьютантов послал проверить, разбудили ли всех на половине императрицы. Вдруг сама она появилась. На уговоры Михаила Павловича, встретившего ее на Большой Морской, Александра Федоровна ответила вопросом:

– Где дети?

– Сейчас их привезут в Аничков.

– Мое место там, где они!

Меж тем серый тяжелый дым потянулся уже по всем залам, кабинетам и коридорам.

– Ваше величество, – доложил ординарец, – еще пожар!

– Где?

– На Васильевском, ваше величество.

Заведено было, что государь ездил на большие пожары. Николай оглянулся на наследника, и тот сразу откликнулся:

– Позвольте, батюшка, я съезжу туда!

– Давай! Мы тут сами справимся.

Солдаты, грохоча сапогами по драгоценному наборному паркету, выносили диваны, столики, комоды, кресла, тащили в охапку шторы и гардины, длинные рулоны драгоценных шпалер, шкатулки, вазы, часы, в узлах звякали драгоценные столовые приборы, в корзинах тонко позванивал хрусталь.

– Всех ли разбудили? – беспокоилась Александра Федоровна. – А Кутузову не забыли? Она, бедная, болеет, могла и не услышать.

Девица Кутузова, конечно, мирно спала, стука в дверь и топота по фрейлинскому коридору не услышала, приняв сильное успокоительное. Разбудили и вывели. Отправив детей, императрица оставалась во дворце, пока Николай Павлович попросту ее не выгнал. И уж тогда, обойдя комнаты и залы, попрощавшись с былым, она покинула Зимний и перешла в здание министерства иностранных дел напротив.

Алексей Федорович Орлов позднее вспоминал, что император обратил особое внимание на Эрмитаж, где были собраны коллекции живописи. «Его потеря была бы для нас истинным народным трауром. Распоряжениям Государя мы обязаны спасению Эрмитажа», – считал Орлов.

Вскоре стало ясно, что огня не потушить, слишком много источников его обнаружилось. Горело все. Главной задачей стало спасение людей и вещей – насколько возможно.

Из Фельдмаршальского зала преображенцы вынесли все знамена и портреты и побежали в галерею героев 1812 года. Солдатам было приказано выносить вещи на площадь, так и делали, складывая их в кучи у Адмиралтейства и у здания министерств. А портреты героев Отечественной войны были составлены у Александрийского столпа и прикрыты солдатскими обгорелыми шинелями. Портреты императорской семьи из Романовской галереи отнесли в здание министерств.

К одиннадцати вечера опасность возросла. Фельдмаршальская зала сгорела дотла, обрушились Белый и Георгиевский залы.

– Государь, – спросил Орлов, – не нужно ли вынести бумаги из кабинета? Позже мы туда не сможем подняться.

– У меня там нет бумаг! – отвечал Николай Павлович. – Я оканчиваю свою работу изо дня в день, и повеления тут же передаю министрам. Остаются только три портфеля с дорогими моему сердцу воспоминаниями... Принеси их, а я пойду посмотрю, как там у императрицы.

Эта часть дворца была уже пуста. Николай прошел в спальню, намереваясь взять бриллианты жены. Он нашел ящик комода открытым и пустым. Удивился, но промолчал.

Сначала огонь взялся за сторону дворца, обращенную к набережной, а разгулявшись там, пламя, усиливается ветром от проломленной крыши и выбитых окон, перебросилось на другую сторону. В мгновение там и здесь осветились темные окна, выходившие на Дворцовую площадь, и вскоре вся громада дворца превратилась в громадный костер.

Надо было спасти Эрмитаж, надо было преградить огню доступ. Разрушили крышу галереи, соединявшей его с главным зданием, но это только усугубило положение. Михаил предложил заложить все окна и арки кирпичами.

– Делай!

В одной зале государь увидел толпу гвардейских егерей, силившихся оторвать вделанное в стену громадное зеркало. Вокруг все пылало.

– Ребята! – скомандовал царь. – Бросайте вы это!

– Ниче-е... – раздалось в ответ. – Тяни, тяни!.. Потихоньку...

– Бросай, кому говорю! – рявкнул Николай, но его будто не слышали.

– Как можно бросать, государь, – попросту обратился к нему седоусый унтер, утирая черный пот со лба. – Все, что можно, вытащим!

Тогда Николай, вспомнив о бинокле, бросил его в зеркало.

Огромная зеркальная стена тонко звякнула и рассыпалась на кусочки.

– Ребята! – давась дымом, сказал Николай Павлович, не зная, от дыма ли или от чего другого слезы текут по его щекам. – Ваша жизнь для меня дороже зеркала! Расходитесь!

Примеры такого рода были не единичны. Из Большой дворцовой церкви в дыму и пламени солдаты выносили иконы, вопреки приказу. С самой вершины иконостаса сняли горящий образ Спасителя.

Около трех утра государь оставил дворец и перешел в Эрмитаж. Пламя полностью овладело Зимним. Дворец уже полностью превратился в сплошное огненное море. Клубы черного дыма тянулись лениво вокруг стен, снопы искр падали на ближние здания.

За цепью полков, окружавших Зимний, в безмолвии стоял народ, замороженный небывалым зрелищем.

По повелению государя провели проверку среди солдат. Немало обнаружилось обгоревших и угоревших в дыму, но все оказались живы. Стоит вспомнить, что за два года до того на Адмиралтейской площади на Масленицу случился пожар в балагане. Там из-за паники и растерянности погибли две сотни людей.

К утру усилился мороз. Рассвет наступал великолепный. Солнце ярко блистало, но стоило повернуться к Зимнему, и дневное светило меркло рядом с пучиной огня, бушевавшей в царских покоях. Пылали все четыре этажа. Снопы пламени и клубы дыма вырывались из крыши. На подъезде вдовствующей императрицы обрушились мраморные украшения. Пламя утихло к вечеру 18 декабря.

По Невскому валом валил народ поглазеть. Толпились ближе к площади, смотрели во все глаза, с жадностью слушали слова знающих людей, что вот теперь горит половина государя, его кабинет...

Толпа расступалась перед санями государя. Он очень приветливо кланялся, был бледен, но спокоен. «Мне показалось, что физиономия его была менее сурова, чем обыкновенно», – несколько непочтительно заметил Никитенко, увидевший в тот день царя на Дворцовой площади.

– Ничего, – слышал Николай Павлович из толпы успокоительные возгласы. – Бог дал, Бог взял...

Примечательно, что мебель, вещи, столовое серебро и золото были сложены и просто свалены в кучу на площади, и за полные сутки ничего не пропало. Правда, один гвардейский солдат утащил было массивный серебряный кофейник, но на следующий день был схвачен: ни один торговец в городе не захотел взять вещь с императорским гербом. Золотой браслет, оброненный императрицей ночью на площади, поутру был найден в луже растаявшего снега. Да и бриллианты ее, как оказалось, были взяты ее камер-фрау госпожой Рорбек.

В рассветные часы приехал наследник и доложил государю, что пожар на Васильевском, на Галерной удалось потушить. Сгорел лишь один мещанский домик, но хозяевам было дадено 100 рублей на первоначальное обзаведение.

– Молодец! – потрепал он Сашу по плечу. – Кто бы нам, погорельцам, помог...

Саша поразился. Он чувствовал себя немного героем: летал на пожар, сменил коня, двух извозчиков, полицмейстера там не было, и он сам командовал пожарными и добился, что

Галерная гавань осталась нетронутой. Но тут... он не верил глазам – дворца не было, стояли обгорелые стены. На батюшку страшно было смотреть: глаза его от дыма прошедшей ночи были совершенно красны, мундир мало того что продымлен, но и выгорел в нескольких местах.

Вечером в Аничковом обсуждали события ночи, выясняли подробности, но главного – откуда пошел пожар, так и не выяснили.

– Слава Богу, все живы! – довольно произнес великий князь Михаил Павлович.

– Увы, ваше высочество, не все, – с легким поклоном поправила его фрейлина императрицы Россет, известная острым язычком. – На нашей половине великая скорбь и траур: Наталья Бороздина оплакивает свою собачку, а мадемуазель Сеславина – канарейку.

Россет ждала взрыва смеха, но молчание было ей ответом, и она быстро сменила ироническое выражение лица на сочувственно-скорбное.

...Дворец был восстановлен в год с небольшим, так пожелал царь. По проектам архитекторов Штауберта, Стасова и Монферана все было воссоздано в прежнем виде, но с большей роскошью. Прибавилось позолоты и зеркал.

При первом посещении нового Зимнего дворца 7 февраля 1839 года мальчишеское нетерпение овладело Александром. Он любил дворец. Очень хотелось вприпрыжку, как некогда, пробежаться по вновь прекрасной Иорданской лестнице, через просторные любимые залы – Фельдмаршальский, Петровский, Гербовый и тронный Георгиевский. Но это было невозможно.

Весь двор собрался в Эрмитаж, оттуда и началось шествие к малой церкви. Впереди шли камер-фурьеры, затем царская семья, за которой следовали статс-дамы, фрейлины и другие дворцовые чины. У церкви присоединилось духовенство. Отслужили заутреню и обедню. Служба тянулась, казалось, бесконечно. Чуть оглянувшись, Александр замечал, что многие дамы от сильной духоты и усталости лишились чувств. Корсеты, увы, сильно стесняли их дыхание.

После службы отец Василий Бажанов святой водой окропил стены покоев в новых апартаментах, при внешней простоте ставших еще более роскошными. Александр хотел сам пройти в свои комнаты, но строгий взгляд отца его остановил.

Александр давно уже понял, что царское дело трудно среди прочего необходимостью делать то, чего не хочется, и не делать желаемого. Так в детстве он страстно хотел кататься с горок на Неве перед Адмиралтейством, но это не позволялось. Позднее он видел, каких усилий стоит его матери следование ежедневному ритуалу: смотры, парады, поездки верхом, приемы и балы. В последние годы нервные конвульсии – память декабрьского мятежа – становились реже, но при малейшем волнении или тревоге черты лица ее искажались, голова тряслась. Необыкновенно усилившаяся худоба Александры Федоровны породила слух о чахотке, отвергаемый врачами, но не исчезнувший... Подчиняясь необходимости и воле мужа, императрица с открытой шеей и плечами танцевала под холодным и влажным ветром в Петергофе. Надо – и любимая дочь императора Мария в семнадцать лет должна была выйти замуж за простоватого и развратного малого, кутилу и игрока герцога Лейхтенбергского, сына Евгения Богарне – пасынка Наполеона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.